

Евгений Ионенко
(GreatCorn)

ПРОИСШЕСТВИЯ

IN SOMNIO

ПРЕДИСЛОВ

происшестви||е [prəi'ʂestvʲɪɕə] с (сущ. неодуш. II склонение).

«Событие, нарушившее обычный ход вещей» (*Толковый словарь Ожегова*).

«Событие, приключение, случай, что-л., нарушившее обычный порядок вещей, нормальное течение жизни» (*Толковый словарь Кузнецова*).

«Событие, приключение, случай, что-н., нарушающее нормальный порядок, обычный ход вещей» (*Толковый словарь Ушакова*).

«Непредвиденное и, следовательно, непредсказуемое событие. Обычно употребляется в отрицательном значении» (*Психологическая энциклопедия*).

«Говоря о происшествии, вы подразумеваете, что в результате стечения обстоятельств или чьих-либо целенаправленных действий возникла ситуация, прерывающая обычное течение событий» (*Толковый словарь Дмитриева*).

«Событие, приключение, случай, что-л. нарушившее обычный порядок вещей, нормальное течение жизни» (*Малый академический словарь*).

Вы верите в это? Лично я не очень, поэтому вышеуказанные определения не близки ко мне, теме данной книги и не передают суть, которую хочу передать я. Больше мне понравилось определение из Толкового словаря Ефремовой:

«1. То, что произошло; событие, случай.

(2. *Нежелательное, неприятное событие*)».

Здесь мы приближаемся к изначальной идее и посылу в моей интерпретации. Об этом чуть позже. Тем не менее, происшествие это, прежде всего то, что произошло, происходит или происходить будет, следовательно, такая у данного слова этимология.

происходить [prəɪsɨv'ɔtʲɪtʲ] (гл. несов. неперех.).

Большинство определений ссылаются первоначально на совершенную форму глагола – произойти. Это несколько осложняет ориентировку, тем не менее, даю следующее определение:

«1. а) (*неперех.*) Возникать, являться как следствие, результат чего-л.

б) Возникать в результате развития, преобразования чего-л.

2. а) (*неперех.*) Принадлежать по рождению к какому-л. сословию, классу и т.п.; вести от кого-л. свое происхождение.

б) (*устар.*) Быть рожденным от кого-л.

3. (*неперех.*) Совершаться, иметь место» (*Толковый словарь Ефремовой*).

Здесь, определение №3 родственно с определениями №1а и №1б, но оно показывает, скорее, процесс, а не результат, как в №1а и №1б. В контексте данной книги слово может употребляться во всех трёх (двух с половиной) смыслах и определение, какое именно из них является более корректным зависит от субъективной интерпретации. Можно принимать книгу без контекста, так, возможно, будет лучше. Может и нет, возможно контекст прояснит ответы на возникающие вопросы. Тем не менее, решение о присутствии или отсутствии контекста также остаётся субъективным.

Вы читали Даниила Хармса? Мне очень понравилась его проза. Следовательно, свою интерпретацию этой книги я могу связывать с ним, и мне кажется, что посылом писать её могли быть его работы. Окончательный вердикт решать вам. Всё, что имеется как основа, это сам текст книги, т.к. название её и последующих коротких рассказов сделаны *posthumous* (после упорядочивания текста). Тем не менее, название книги означает, как и содержание коротких происшествий, *случаев*, если вам угодно, так и то, что происходит (берёт своё начало) она от определённого источника.

sómnio аблатив ед. ч. **sómnium**.

sómnium ['som.ni.um] с (*сущ. II склонение*).

1. Сон, сновидение, дрёма.

2. Игра воображения, вздор, бредни.

in (*предлог, неизм*). В, на (где? – abl.; куда? – acc.).

Перевод зависит от интерпретации.

P.S. Кто-то может спросить (а может и не спросить, тем не менее, исторический контекст, к сожалению, ставит лично мне сложную дилемму): почему же, коли пишешь на родине, так почти всё "вражеским" языком? Я не буду себя оправдывать. Гоните меня, бейте палкой, рвите страницы, оговаривайте дурным словом, всё как заведено.

Я пишу так, как писал впервые. Я пишу так, как читал. Местами передачи конкретной истории может быть недостаточно, но везде я пытаюсь передавать определённую, не подвязанную к чему-либо эстетику. Ту эстетику, которая непременно преобразится, если поменяется язык. Хорошо это, или плохо – решать не мне, но оригинал здесь и таков он есть.

Евгений Ионенко (GreatCorn), 23 июля 2024 г.

РЫСЬ

Я открыл глаза, ещё было темно. За окном горели фонари и освещали силуэт рыси, которая сидела, сложив лапы, прямо у меня на подоконнике. Это была именно рысь, а не одна из моих кошек, я могу это сказать точно по характерным ушам и размеру тела животного. Рысь не двигалась, но и мне особо дела до неё не было, ну бывает, может, забрела как-то случайно, мало ли. Я закрыл глаза и попытался дальше уснуть, но она начала кричать. Я подумал, как это неадекватно и что стоит её научить манерам и не шуметь, когда люди спать пытаются. Но я был слишком уставший для этого и решил сделать всё завтра. Рысь прекратила кричать, и я заснул.

18 апреля 2021 г.

ЧАЙКА

Я открыл глаза. Уже было утро, довольно светло. Я заметил на спинке кресла чайку.

– Спой, – сказала чайка.

Я понял, что она имела ввиду ту самую сонату, которую я сочинял во сне, но не сразу осознал, что она бы не знала, что я писал её там. Может, она просто захотела вокальное сопровождение, не исключено, что я мог напевать что-то сквозь сон. Я спел и чайка пропала.

Потом я вешал картину своего окна над подоконником, а Тимофей рассказывал что-то про «Bluegull-455». Я подумал, что это может иметь какую-то связь.

2 июня 2021 г.

ВЕБУБЫЧКО

Не будьте как я, согласовывайте с начальством планы организации корпоративов.

Так и случилось, что созвал всех коллег: и профсоюз «Хасис» в полном его составе, и отдел техподдержки, и бухгалтерию, в общем, кого только не было. В первом часу же возникло странное, какое-то авангардное ощущение, от которого Иван Маркович чуть не поперхнулся. Во втором часу по коридорам сновали в самом что ни на есть среднем классе такие, как Александр Зуев, с которыми еще можно было идти вместе, но не с кем было перемолвиться даже словом. К

третьему часу на презентации были предложены три концепции корпоративной культуры. Ни одна из них не была взята на вооружение всеми остальными, а именно этого Иван Маркович пытался добиться все это время.

Не смотря на улыбки и подчинения личному плану, собравшиеся предпочли систематичную активность, которой совсем не удивлялись, а общая концепция корпоративных мероприятий считалась всем лучшей, только потому, что она не требовала от компаний вообще ничего.

Ближе к пятому часу я шёл сквозь конференц-зал и услышал, что кто-то собирался выпустить вебубычко. Мне стало неприятно, и я пошёл спать.

7 июня 2021 г.

КАБАДУК

Было дело, когда в академии учился и одновременно школьное образование заканчивал. Крайне неудобно и неприятно, потому что основная специальность-то в академии, а тут не пойми что, всё сразу, все что-то хотят и ожидают таких же внимания и усилий. Следовательно, посещаемость была скудной, а учителя неистовствовали ещё больше. Хотя, некоторые из них привыкли и просто наплевали на это всё, хоть и относились к нам как к отбросам общества, что было малость досадно, но мы и особо не взаимодействовали, чтобы это не втемяшилось.

Бывали дни, когда кто-то соизволял заглянуть в школу раз-другой. Происходило это, конечно, иногда, с намёком на крайне редко – лично у меня в год могло собраться максимум две недели. Как обычно, учителя отлавливали нас в такие редкие дни, и требовали сдавать работы, выполнять план и прочее. Начиная со второго года, появилась новая директриса, которая, по всей видимости, не была введена в курс дела и ожидала от нас полной отдачи, что практически никто не проявлял, попечений хватало. Начинали обзванивать семьи, родителей, хотя и этим не многого добились. Правда, самым смешным было, насколько другим он стал, образ директрисы, которую мы раньше видели только на экране телевизора. Мне непонятно было – как такой большой человек, мог так быстро оправиться от полоумия? Да и за это её жалеть сложно было. Но это, опять же, к делу не относится.

В один из дней, когда я соблаговолил одарить школу своим присутствием, нам (человек от силы пять) дали писать контрольную или экзамен, или что-то вроде этого по предмету украинского языка. Кому-то

выдали билеты, мне не дали абсолютно ничего. Сзади меня было трое с джазовых факультетов, имена которых я не знал, на соседней парте справа сидела коллега Дарья, пианистка. Я попросил, чтобы мне дали билет, но учительница сделала вид, что не услышала и продолжила сидеть за столом, погружённая в какие-то учительские документы. Компания сзади в открытую выпивала, учительнице было наплевать, она была занята своими делами. От нечего делать я присоединился к компании, вернее, они сами мне предложили, а отказываться уже было невежливо.

На улице смеркалось, школа у нас была вечерняя (хотя само учреждение и учителя работали с утра), ради состыковки с графиком из академии (хотя всё равно ни у кого не получалось). Зимний вечер был не сильно поздний, но уже знатно стемнело. Кроме водки, лимонада и одинокого в своём роде учебника по украинскому языку, на столе больше ничего не было. Мой сосед слева, цыганского вида юноша (его настоящее имя я забыл), подлил мне водки и ткнул в мою сторону пальцем. После двух рюмок, я заметил, что учительница задремала, и решил, что пора уходить. Ребята последовали моему примеру, Дарья, кажется, осталась работать.

Мы разошлись, я пошёл через парк до трамвайной остановки. Тёмные листья сыпались вниз, скатывались по веткам и исчезали в общем потоке. Потом я понял, что весь этот слившийся в одно серое месиво парк – на самом деле одна бесконечная дорога к воротам. Там меня догнал Даниил, который тоже возвращался домой. Он жил в соседнем подъезде и направлялись мы в одну сторону. Поскольку было не особо поздно, мы решили прогуляться и пообщаться, т.к. не виделись крайне давно. В его – втором – подъезде никогда не было света, и он был единственным человеком, которого я знал оттуда. Даниил был малоинтересен мне как человек, но иногда я был не прочь и с ним поговорить. В парке была речка, людей уже немного, бродила разная живность. В свете фонаря я заметил некое редкое млекопитающее, похожее на выдру. Я показал пальцем Даниилу, а он, в свою очередь, начал паясничать, что это «определённо кабадук», что-то про красную книгу и свои зоологические познания. Я был немного навеселе и пропустил большую половину части его речи мимо ушей. Даниил не замечал и продолжал говорить.

Мы решили отметить встречу и выпить. Даниил предложил сам, мне было уже невежливо отказываться. Он сказал, что институт актёрского мастерства, в котором он тогда учился, был ещё открыт и в некоторых

коридорах подвала никто не ходил. Также там оставались столики из недостроенного кафетерия. Всё это звучало как отличное место для уединения в подобной скромной компании. Мы дошли до института, Даниил проводил меня внутрь и вниз.

Подвалы были достаточно большие и пространственные, как коридоры в филармонии. В некоторых углах практиковались студенты, видимо им не давали репетиционные. Меня позабавил тот факт, что у нас везде в учреждениях наук искусства картина одинакова. Я шёл за Даниилом, он вёл меня какими-то лабиринтами, в итоге мы пришли к некой помеченной двери. Я не помню точно, что там было нарисовано или написано, но мы вошли. Внутри были менее оприходованные коридоры в полной темноте, лишь узенькие одинокие окошки почти под потолками давали хоть какую-то надежду на свет в виде желтоватых фонарей с улицы. Мы бродили с полминуты, окошки понемногу исчезали, и надеяться приходилось лишь на собственные фонари. В конце концов, Даниил ускорился, а я потерял его из виду. Я не хотел его окликать, потому что это могло помешать кому-то другому, например, сверху. Я встретил пару студентов, каждый был увлечён своим делом.

Вскоре я обнаружил дверь, из которой исходил свет. Я приоткрыл её и заглянул внутрь. Там была определённого вида круглая аудитория, похожа на сцену актового зала. В центре находилась группа порядка десяти человек. Может они играли роль, но выглядели как отъявленная секта и, возможно действительно практиковали какие-то ритуалы. Прежде чем наглядно убедиться, что меня заметили, я будто почувствовал это своим нутром и сразу по телу прокатилась мелкая дрожь. Вся группа смотрела на меня и, недолго медля, они подняли свои факела и погнались за мной. Я быстро смылся и потерял их из виду. Мне удалось найти дверь обратно, и я вышел наружу, в светлые коридоры подвала. Я увидел Даниила, он выглядел слишком задумчивым, отсутствующе смотрел в одну точку. Может быть, он просто выпил бутылку на двоих сам. Я несколько огорчился и пошёл домой.

Домой я добрался вполне обыденно и без приключений и побочных встреч. Было уже почти поздно, я устал и хотел спать, особенно после небольшого количества выпивки. Я пришёл, переоделся и сразу лёг, не заметив, как много насекомых было на стене возле кровати. Увидел я их утром и просто решил больше времени там не проводить, прокляв их на английском языке, ведь я, в отличии от большинства моих знакомых, вполне свободно умею на нём говорить и полностью его понимаю, даже старые Шекспировские варианты.

Я вышел на улицу, светило утреннее солнце. Я увидел Матвея, которого не так давно пытался выловить на партию в шахматы, а он всё отказывался, сперва на почве того, что, мол, экзаменационная сессия, работы полно, потом вдруг заявил, что не умеет. Теперь он повествовал, что уже записался в армию, с тем, чтобы там научиться играть в шахматы. Я никак не выделил этого утверждения и просто общался о всевозможном. Я решил не напрягать его и не напрашиваться к нему погостить. Мы встретили Тимофея, который вышел набрать воды.

Солнце уже поднялось и жарило нас на сковороде, ослепляя меня и Тимофея. От этого мне захотелось спать. У Тимофея была большая бутылка, видимо литров на 19. Я периодически помогал ему её нести. Потом я встретился с отцом по запланированному распорядку и попрощался с Тимофеем. Он мне сказал: «Это ошибка. Это ролевая модель». А я ему сказал, что ничего против этого не имею и что в роли мне приходилось переживать подобные передраги десятки раз и ничуть не слабее.

17 июня 2021 г.

ЛАМПА

...После нескольких слов и вопросов с обеих сторон он сказал.

Гоголь

Я бродил в парке. Это было где-то неподалёку, так как погода как раз выдалась мне по душе, но я не хотел возлагать большие надежды на её продолжительность. Было не особо холодно, но и абсолютно не жарко, солнце скрывалось за облаками. Я поймал себя на мысли, что мне нравится гулять по городу. Я люблю прогуливаться по безлюдным улицам, когда вокруг все тихо, в небе проплывают облака и видишь только редких прохожих, спешащих по своим делам. Я не люблю людей и, следовательно, многолюдные улицы. В такие дни я просто возвращаюсь в свою квартиру и смотрю телевизор, чтобы не чувствовать скуки. А сейчас у меня было отличное настроение. Утро ещё только начиналось, но это были лучшие часы дня. Впрочем, я уже заканчивал свою прогулку и направлялся к выходу, чтобы набрать воды в бутылку, что была у меня в рюкзаке и пойти домой.

По пути на выход меня нашёл давний товарищ Осип, ещё из школы. В младших классах мы много общались, но потом пути разошлись. Он поздоровался, задал пару обыденных вопросов, вроде «Как дела?» и «Чем занимаешься?». Я дал такие же обыденные ответы, сказал о своих

планах, а Осип попросил присоединиться. Мы пошли дальше к выходу из парка. Говорили, в основном, о литературе и о всяких пустяках. Он казался вполне адекватным, но я отчего-то чувствовал, что он задумывал что-то злобредное.

Уже у выхода я заметил, что мы почти на улице. Там я увидел давнюю коллегу Аллу, которая ушла из нашей школы после четвёртого класса. Чисто из любопытства я периодически интересовался у других друзей, как она там и другие, кто ушли после четвёртого. Пару раз я видел её, но последний раз был весьма давно. Тоже начали общаться, она спросила, что я делал сегодня, я ответил, что был в деревне, где уйма ягод, некому их все есть, предложил Осипу и Алле по ведёрку малины. Алла спросила, не собираюсь ли я кого-нибудь заводить в личной жизни. Мне показался этот вопрос несколько невежливым и отнёсся я к нему с протестной стороны, хоть и сделал вид, что задумался.

– Ну, чтобы ягоды все съесть, – улыбнувшись, добавила Алла.

– А-а-а. Да нет, на крайний случай найдём решение. В селе людей полно и все друг друга знают, – ответил я.

Алла не поднимала эту тему больше, и я был рад. Вскоре к нам подключился давний товарищ Святослав, с которым я тоже давно не общался, но мы вспомнили былые времена, когда были лучшими друзьями. Святослав начинал коммерческим директором в отделе маркетинга, как раз напротив нашего районного банка, только на другом этаже. К нам присоединились ещё люди, которых я либо не знал, либо уже забыл, кто был там.

Осип хотел поскорее убраться из парка и периодически оглядывался. Он пытался скрыться и в итоге я понял, что он почему-то не хочет встретить мою мать, что тогда была где-то в глубине парка. Позже, когда мы проходили около железной дороги, я воспользовался шумом поездов и, будучи изолирован им, сказал Осипу, что всё в порядке и моя мать вполне нормального мнения о нём. Он не захотел об этом говорить, но и я, в свою очередь, тему поднимать не стал.

Потом к нам присоединились мои близкие друзья: Матвей, Тимофей и Степан. Мы почти перешли дорогу, и дошли до бювета, позади я услышал старуху, которая вскричала «Вот гурьба клятая!». После бювета была небольшая площадь перед Большим театром, в конце которой стоит гастрон. Мы шли в самом центре толпы, и я чувствовал на себе те взгляды, которыми провожали меня.

Позже, когда ребята немного разошлись, я встретил Светлану из музыкальной школы. Она была глубоко печальна. Когда я спросил её, в чём дело, она поведала мне, как мухи нагадили ей на лампу.

13 июля 2021 г.

ЛОШАДЬ

Помню первый день, когда поступил в ту новую школу, что при академии. Все ещё думали, что будут посещать, знакомились друг с другом, приглашали в подвальчик и организовывались. У меня всё прошло не гладко, ведь я хотел ещё успеть купить шпротов по скидке и встретить бабушку из деревни. Я надеялся, что всё будет коротко и первый день будет лишь ознакомительным, но в итоге уроки собирались проходить по полной программе, и мне нужно было покинуть школу до окончания учебного дня.

На выходе тогда ещё сидел охранник, и мне нужно было предъявить подписанный документ с мокрой печаткой, ведь всё выглядело ещё официально. Мне нужно было целое одобренное заявление о том, что мне необходимо покинуть школу. Я постарался отпроситься, объяснил ситуацию, но охранник был твёрд и не собирался меня слушать без надлежащих документов. В итоге я попросил однокурсника отвлечь внимание, «невзначай» устроив небольшой погром, стащил предварительно пропечатанный бланк на перерыве в учительской и сфальшивил подписанное заявление. Охранник не стал задавать никаких вопросов и просто внёс пометку в отчёт.

Бабушку я встретил без проблем и помог довести до дома сумки и рюкзак, полные овощей, ягод и куриных яиц. Мы вошли в маленький чистенький дворик, где на площадке играла малышня и лежала бесформенная груда обломков костей, обгорелых досок и каменных блоков. Я проводил её до дома и остался на улице, так как там прогуливались мои товарищи: Тимофей и Степан.

Мы подошли к бювету, Степан залез наверх по ступенькам, Тимофей стоял снизу. Мы общались, Степан ел пломбир на палочке и нечаянно капал им на Тимофея. В определённый момент, тому это надоело.

– Да хватит капать! – обернулся он к Степану.

Справа, возле церкви я заметил давно забытого коллегу, Касьяна, который в этот же момент крикнул «Яйца!». Мимо проходила мать одного из моих знакомых и что-то мне сказала, я так понял, по-испански.

Может, я просто не среагировал в нужный момент и не смог разобрать. Тогда у меня был совсем другой уровень знаний языков.

Касьян рассказывал про свой повторяющийся сон, в котором кто-то писал ему письмо и оставлял в шкафчике. Когда он открывал шкафчик и пытался взять письмо, из шкафчика на него смотрел лошадиный череп и костлявой рукой, хватал тянущуюся за письмом руку Касьяна. С тех пор на ночь он клал эту руку под подушку.

25 июля 2021 г.

ДЕЛА

Мне необходимо было куда-то идти. Я даже планы себе составил, распорядок дня прописал, чтобы, стало быть, всё успеть. От меня многое зависело тогда, и надо было явиться вовремя, без опозданий. Но всё это, как говорится, по техническим причинам: бывало, что я проспал, а то, что было мне нужно, к этому времени уже само опоздало. А потом я научился хотя бы примерно помнить, что мне было необходимо. Или, во всяком случае, попытался. Ну, даже если на минуту раньше приду, всё равно нужно показаться с лучшей стороны, мол, «извиняюсь», хотя так не говорят, а скорее «прошу прощения».

Но, может, и не надо было никуда идти, и я всё перепутал? А вдруг я пошёл бы и мне бы дверь перед носом закрыли, или калитку, или ворота, или ещё что. Плюнули бы на сапоги, да был бы я таков. Чего это, спрашивается, я сюда притащился? Я ведь с самого начала не знал, куда пойду. Может, если бы я тогда попробовал вспомнить, было бы наоборот? Но я ведь тогда ещё не знал, чего я хотел. А когда я понял, я уже располагал нужной информацией. А, может, я и не хочу этого знать? Может, мне это было не нужно? Точно так же, как сегодня не надо. Ничего другого я и не хочу, абсолютно.

Помню только, Владислав представлял научные проекты, а я рядом за столом сидел и ел жареные грибы.

29 июля 2021 г.

ИНЦИДЕНТ

Она подошла к нашей группе, как раз, когда мы собирались уходить, и сказала, что каждого было приятно узнать, и была рада, что все подружились. Все по очереди попрощались и пошли. Она подошла ко мне, её шаг содержал большую интимность и был адресован не группе, а

лично мне. Я понял, передо мной стоял не простой персонаж-кукла ежедневной обыденности, передо мной стояла личность, душа, человек. Она была сложна и утончённа, как мастерский портрет эпохи барокко; я узрел, сколь смешаны были её эмоции. Больше не видел я прежнюю раздражённость, теперь я наблюдал в её глазах некое стеснение и замешанность. Я подсознательно понимал её ощущения и, будто что-то мною контролировало, словно формально, я дотронулся до её предплечья и, будто успокаивая, провёл рукой по нему. Но формальности здесь уже не было, я действовал, следуя чувствам и некоему состраданию. Вблизи, в глазах её я увидел предвестие слёз обречённой печали. Я понял, что это значило. У нас был лишь этот момент и больше никакого. Оба мы знали, что никто из нас не сможет вернуться. Но сейчас, кто-то должен был либо остановиться, либо продолжать. В тот момент, я не осознавал этого, но позже понял – она знала, что если поддастся чувствам и сделает это, то оставит нас обоих в долгой и глубокой тоске в конечном итоге. Она понимала, что обречёт нас на длительные и мучительные дни, месяцы воспоминаний. Тем не менее, она осторожно обняла меня, я почувствовал каждое её нежнейшее прикосновение как отдельное, самостоятельное. Я посмотрел ей в лицо, она стеснительно закрыла глаза и, приоткрыв рот, осторожно приблизилась к моему лицу и поднесла свои уста к моим. Я тоже закрыл глаза и поддался, медленно наклоняясь к ней. Сначала, я почувствовал её грудь о свою. А потом я почувствовал её губы.

Медленно они дотронулись к моим, и я потерялся в происходящем моменте. Буря мыслей пронеслась в голове, будто я смотрел на это со стороны: и страх, что я делаю что-то не так; и возбуждение; и воспоминания о былом себе с осознанием, что сейчас я другой, сейчас я нашёл себя и я счастлив. По-настоящему счастлив, что есть человек, которому я неравнодушен, который хочет видеть меня и искренне любит; даже некая мысль об отвращении от бывшего себя посетила меня, но я не нашёл ни капли его внутри, лишь печальную, обречённую страсть, точно ту же, что испытывала она. Мы стояли так, может пять, может десять, может двадцать секунд – я ощущал это как вечность. Оба были в порыве экстаза и ничего не замечали вокруг, да нам и было всё равно. Возможно, мы медленно кружились, или весь мир кружился вокруг нас. Но фальшивая, непринятая и беспристрастная реальность начала приближаться, настал момент конца, и она стала медленно отходить. Грустно и стеснительно посмотрев куда-то вниз, она подумала всего момент, может она хотела продолжить, и я бы согласился хоть целую вечность остаться на том же месте, но что-то подсказывало, что

медлить не стоило. Быстро подняв голову, она грустно улыбнулась, попрощалась навсегда и ушла. Я лишь остался стоять в какой-то незнакомо тяжёлой тоске и раздумьях.

9 августа 2021 г.

ХУДОЖНИК

Я художник-модернист. Я работаю в крайне эзотерической области искусства, которое многим непонятно. Но это просто потому, что в нём столько гениальности, столько неосязаемой красоты и философии, что примитивному интеллекту это узреть просто не под силу. Ибо когда я думаю о чем-то, я создаю это на высочайшем энергетическом уровне, это переживание приводит к выбросу грандиозной энергии в подсознании – и очень часто результат творчества совершенно непредсказуем. Это я и называю – работать в высшей сфере. А есть и другие, которые работают так: создают нечто просто так, для удовольствия... И никаких серьёзных эмоций это не вызывает. А люди хотят понять, что создается. И тогда они сами начинают творить искусственные сущности и другие ненатуральные миры, полагая, что таким образом строят концепцию Бога, который имеет две головы и пять рук, не имеющих аналогов на Земле.

Но я вам вру. Моё искусство почитают, а я, всё что могу – так это дрычки маширить. Мой следующий шедевр – это капли краски на старой деревяшке. Когда меня спрашивают, что это такое, я отвечаю – это основа всего прекрасного. Но какая же это основа? О чем вы говорите? Что мы можем создавать, если у нас не за что схватиться? А это будет то, на чём наши руки и ноги смогут держаться. Вот так выглядит формула моего творчества, которую я хочу вам передать.

27 августа 2021 г.

ТУБЫЛО

Снова нечисть... Сидел я у себя на кровати, может только проснулся, может спать собирался, помню всё как в бреду. Вокруг тьма, где-то в коридоре свет горит. Шум какой-то... Я решил, что там, наверное, кошки – беснуются. А может, с ветром спутал, не знаю... Шумы эти – точно словно бы ветер гудит, или что схожее. А потом эти голоса... Слышу: вот-вот скажут что-то. Вдруг – на полную громкость звучат – какие-то разговоры. И их уже много. Словно бы половина коридора ими заполнена. Смеются все. А мне не до смеха.

Смотрю в дверной проём, что в коридор ведет, и вижу, как свет вроде бы моргает. Сначала незаметно, только краем глаза, а потом всё сильнее и сильнее. Возможно, уже и силуэт видно. Стали различимы очертания. Я, кстати, уже подумал тогда – чёрт побери, это же тот самый Бафомет! По-другому просто не объяснить, не смешно уже. Он возник вдруг из пустоты, причём как-то противоестественно. Будто по инерции, на границе между одним и другим миром. Мне кажется, что кроме него и двери больше ничего не было, а я уж знаю, насколько иллюзорен подобный рубеж.

Он шел где-то по коридору, сам какой-то невнятный был, возможно, тоже мерцал. Он словно и во тьме был, но каким-то образом темнее той тьмы, возможно, как если в мрак смотреть, то в глазах шум будет, но тут его не было. Может, я некорректно описываю. Точно имелось – весь чёрный, голова козла с рогами дугой, стоял и ходил он неестественно как-то и страшно. Мне не по себе стало, и я вопить начал. Да, кричал. Слов не помню. Наверно, кулаками в стену бил, царапал – не видел этого.

Не помню, как потом стало, но сидели мы, значит, с Матвеем, за рюмкой, по всей вероятности. А Матвей тубыло.

7 сентября 2021 г.

ВЕДЬМА

От знакомого слышал, что соседка с четвертого этажа что-то колдовала. Соседка старая, видел её последний раз ещё когда самому лет восемь было, наверное, точно и не вспомню. Вообще с жильцами особо не пересекаюсь, некоторые и не знают, что я тут живу, когда домой пытаюсь попасть, думают, небось, себе про меня что-то недоброе. Но мне всё равно.

Я спустился ко входу и проверил почту. Пришёл еженедельник, я подписался месяц назад. Выкинув всю рекламу из ящика и забрав газету, я, встретив по пути отца знакомого с шестого этажа, который по лифту перевозил стройматериалы, пошёл вверх. В меня немного врезался какой-то мальчик с велосипедом, но я не придавал этому значения.

Я зашёл в квартиру, положил газету на кухонный стол и начал готовить кофе. Засыпав две ложки молотого кофе, три раздавленные виноградины и немного перца в казанок, я залил это водой и поставил на минимальный огонь, параллельно с банкой с молоком и солью в ковш. Пока кофе варился, я присел на уголок и взял газету. На передней

странице я увидел фотографию со знакомым лицом. Да это никак был Матвей! Что ему удалось учудить на сей раз?.. Рядом была фотография огромной стаи голубей. Надпись сверху гласила что-то вроде: «ВЕДЬМА СОБИРАЕТ ВОЙСКО, ЖИТЕЛИ ПРОТИВОСТОЯТ». На фотографии Матвей стоял с крестом в одной руке, а другой, видимо, крестил площадь и с ужасом смотрел куда-то в небо. Я решил ему позвонить.

Состоялся следующий разговор:

– Алло?

– Доброго здоровья. Это я. Не разбудил, случаем?

– Да нет, я как раз кофе ставил.

Я вспомнил про свой кофе и проверил его, но он ещё не закипел.

– Ты на передней странице еженедельника.

– Серьёзно? Неплохо. Я прохаживался по площади и решил подыграть, а там и журналисты были, и вся община.

Я понял, что так и не прочитал статью и не знаю, что там действительно происходило.

– Так что там за ведьма?

– А, ну, тебе же лысый Дмитрий рассказывал. Помнишь Оксану Афанасьевну?

– Ну? Она что ли?

– По-видимому. Кто-то сплетни пустил, а ты же знаешь, как у нас всё расходится. От одного до другого, так и дошло до журналистов, видимо. А может и правда это всё, кто знает. Я-то сам ничего не ведал, но мне старый знакомый рассказывал, что она чем-то там промышляет. Я даже видел: птицы куда-то все слетаются, животные как-то с ума сходят.

Я выглянул в окно. На улице не было видно ни одного голубя или воробушка, только люди выходили на работу. Как хорошо, что работы у меня не было.

– Ладно, позже поговорим, – сказал я, попрощался и бросил трубку.

Кофе уже закипал, и я процедил его в кружку и, взболтав молоко, добавил его туда же.

В обед я должен был встретиться с бывшими коллегами из профсоюза. Я как раз освободился и стоял близ старой академии, рядом

подошла моя знакомая Клавдия. Мы стали обсуждать бывшую главу профсоюза и её неадекватное поведение. Я спросил у Клавдии, почему та ведёт себя подобным образом, а Клавдия ответила, что её устранили с должности и теперь она платит ежемесячно за частные государственные курсы для повышения квалификации. Я лишь ответил: «Понятно, отчего она так выёбывается...» и подумал, что стоит в моей телефонной книге в поле её профессии записать «выёбывается».

Я шёл по ботаническому саду, где встретил Давида и Ананию, бывших коллег из профсоюза. Остальная компания обещала собраться дома у Елизаветы Назарьевны, которая переехала и теперь жила в частном доме с личным двориком и беседкой. Мы подошли к ней, все собрались, она приготовила угощения, и мы сели в беседке трескать и путаться. Как обычно она спрашивала нас, как мы живём и чем занимаемся, по очереди рассказывали про себя. Я до этого ездил в Одессу, и Елизавета Назарьевна почему-то спрашивала, был ли там виноград. Давид хотел выиграть в некоем конкурсе футбольный мяч с подписью известного футболиста. Юхан что-то говорил на английском.

Мы сидели бы спокойно, как вдруг откуда-то по дороге слева от нас вышли стаи разнообразных животных и птиц.

22 сентября 2021 г.

4296

Я проснулся на даче. На улице было ещё темновато, но я чувствовал, что утро близилось. Петухи ещё не пели, возможно, я их не слышал. Значит, ночь не кончена. Но такая тишина, какая бывает обычно в начале нового дня, пугала. У меня возникло чувство, будто меня бросили в ледяной колодец. Я поёжился. Лежал я на высокой кровати лицом к окну и медленно приходил в себя, всматриваясь в раннюю мглу. Меня почему-то мучило чувство нечистой совести, и вместе с тем я ощущал в теле необычайную лёгкость и свежесть. Ощущение было новым и непривычным. Мать собирала вещи и намеревалась ехать в город. Я сообщил ей вчера, что поеду днём, аргументировав это незаконченными хозяйственными делами, но на самом деле мне просто не хотелось вставать в такую рань, чтобы пытаться успеть на автобус. Хотя всё же я пробудился. По позвоночнику прошла волна озноба – я понял, как холодно в комнате. Моё бодрствование длилось не особо долго – вскоре я погрузился обратно в сон.

Через несколько часов я встал, быстро собрался, съел пару кусков шоколада и поехал в город. Разбитая дорога не испортила мне настроения – мне было хорошо на природе, просторно и прохладно. Ещё я думал, где лучше купить хорошую порцию водки. С матерью мы договорились встретиться на Днепре. Там она была с нашим старым знакомым Марком. Они уже намеревались уходить, мать отдала мне ключи, и я пошёл на другой автобус. Предстояла долгая поездка.

Автобус был неплохой, довольно новый, с вмонтированным телеэкраном, по которому всю дорогу показывали какой-то известный 24-серийный фильм. Чудесная вещь – телевиденье! Я не был особо знаком с материалом, что представлялся на экране, но помню, как моя преподаватель периодически цитировала его, например, в одной из сцен бандиты «связали, украли, запаковали» главного героя; преподаватель так говорила, когда я зимой после болезни в громоздком пуховике собирался домой. В фильме на мужчину действительно нацепили хирургическую маску и буквально положили в гигантский коробок для хранения еды. После окончания четвёртой серии мы доехали до моей остановки.

Я вышел и прошёл к вокзалу. На вокзале было просторно. Мне предстояло некоторое продолжительное количество времени ждать свой поезд. Чтобы не скучать, я решил провести время в буфете. Я прошёл туда по указателю. Буфет выглядел потрёпанно и несколько похоже на станцию метро, с плиточными стенами и бетонным полом. Я прошёл к столу с едой, там, в основном были закуски и нормально наесться, по-моему, нельзя было. Помню только пережаренную картошку, какие-то непонятные приправы, масло, булочки с сыром, корицей и запакованные в отдельные маленькие судочки отломленные кусочки шоколада. Я попытался вспомнить фильм, но из всего мне запомнился лишь тот момент с фразой и то, кое-как. Людей не было вообще. Только одинокая уборщица ходила и подметала то тут, то там. Я спросил, не хочет ли она есть и предложил её угостить. Она ответила «нет, ну что вы» и немного засмущалась. Я взял себе какой-то самой приемлемо-выглядеющей еды, сел за столик, начал есть и вскоре задремал.

Проснулся я ночью. Уже было темно. Я испугался, что пропустил поезд, но, посмотрев на часы, понял, что он скоро будет подъезжать. Кто-то храпел на лавочке. На перроне было холодно и сыро. Все на меня не обращали внимания, они меня словно не замечали. Появилось несколько пассажиров. Включив фонарик, я пошёл к большому столу и продолжил приём пищи. Я решил взять рядом лежащую кем-то, скорее,

нарочно забытую газету. Прочитав пару заголовков, я обнаружил, что сам когда-то случайно снял серию документальных фильмов про Бразилию и сейчас их собираются показывать по телевидению. Я не мог вспомнить, про что именно они были и как я их делал, но мне стало приятно, что я чего-то таки добился.

Сев на поезд, я оказался в купе один и снова устался в газету. На второй странице располагалась, как я понял, псевдодокументальная статья про то, что «Эдгар Алан По и его ученик однажды сошлись на мнении об истории сотворения вселенной». На деле, в статье повествовалось про героя, что шёл куда-то в тёмном лесу. Дойдя до хижины, он осветил её фонарём, и статья описала её как сарай, а у меня сразу начались посттравматические воспоминания. Герой подошёл к двери в него и, отперев её, началось описание того, что было внутри. Там было грязно и на полу лежали разных приспособлений инструменты, места, как можно было понять, было довольно тесно.

Далее начали писать что-то про изначальное объявление и что это «мнение об истории вселенной» каким-то образом основывалось на каком-то числе, вроде 4296. Возможно, какая-то закономерность или что-то в этом роде.

1 октября 2021 г.

II6

Один очень почётный гражданин однажды подошёл к ларьку, где продавали шаурму.

– Мне, пожалуйста, одну шаурму, – говорит.

Ну и стал ждать, пока шаурму приготовят. Полминуты проходит, минута. Случилось, отвернулся гражданин куда-то, наверное, его отвлекла свалившаяся с велосипеда дворовая собака, а может он отвернулся просто из приличия. Поворачивается он обратно, а ларька там нет, да, авось, никогда и не было. И пошёл он к себе домой весь грустный от этого.

А дома его ждал второй сектаккорд. И из него нужно было перейти в другой сектаккорд вверх. Гражданин был умный и вместо широкого расположения взял смешанное, чтобы избежать хода вверх с интервала октавы между соседними голосами.

11 октября 2021 г.

ПОГРЕШНОСТЬ

Когда-то ездил, бывало, с бабушкой ещё, в определённое село, к её знакомой. Село-то тогда ещё определённым было, об этом точно могу сказать, но вот в данный момент, к огромному моему сожалению, определить я его, увы, не могу. В селе, по всей видимости, была речка, и её так не вспомню. Теперь помню только мост — деревянный, большой. Он вроде как бы и не сохранился до сих пор. Я жил у вышеупомянутой знакомой в старом доме, в котором было чрезвычайно много насекомых, что мне, как обычно, очень не нравилось. Особенно вечером, когда они скапливались у всевозможных источников света. Я решил особо много времени в доме не проводить и пошёл на речку. Сейчас мне кажется, под полом была глубокая яма. А что было когда-то на улице — не знаю. И зачем я на речку пошёл, тоже не помню. Но там мне действительно понравилось. Один раз мне даже удалось увидеть какую-то очень крупную рыбу, которая была похожа на медведя, наверное потому что она совсем по-медвежьей плыла по воде.

Вечером я вернулся, нужно было ложиться спать. На первом этаже дома была одна маленькая кровать, которая днём служила фактически диваном, а на втором стояли две двухэтажные. Это было довольно странное сооружение: на первом сверху этаже было кресло, над которым — и сразу за ним — почти полностью была убрана часть стены, образуя, таким образом, длинное пространство. Впрочем, похоже, на второй этаж вела всего одна дверь, но там всё было завалено бараклом, и я подумал, что, может быть, это не комната, где я жил. Поскольку я был уставший, я пошёл спать сразу, а бабушка, значит, возилась ещё с чем-то. Уснул я довольно быстро.

На следующий день приехала мать, и я собирался вместе с ней уехать под предлогом, что мне «нужно было готовить программу к концерту». Это было неистинной правдой. Но мне действительно хотелось самому проконтролировать подготовку программы. На самом деле я мог бы остаться ещё, но мне просто не хотелось и, если бы я мог, я бы провёл всю жизнь, не выходя из дома. Мы сходили ещё раз на речку и решили дойти до города пешком, чтобы по пути зайти в кафе.

Мы зашли в кафе, и мать начала оценивать ассортимент и заказывать. Кафе было старым, почти что советским, с неработающей вентиляцией и теплым туалетом во дворе. Запах из него тоже был до боли знаком, но у меня от него мутилось в голове. Мать попросила за кассой какую-то незамысловатую пиццу, но ей вместо неё вручили обычный хлеб. Она заметила это не сразу, но, когда увидела, пошла менять. На точке

возврата она отдала этот хлеб и взамен ему получила другой. Я наблюдал за этим, и мне страшно не понравилось, как нас хотели обмануть, поэтому я пошёл негодовать. Когда я начал объяснять ситуацию, принимающий на точке стал отвечать мне на каком-то индийском языке. Я перешёл на английский. Вместо него подошла женщина и спросила «Do you speak English?» (вы говорите по-английски?). Я подумал, что стоило ей догадаться, и ответил «Of course!» (конечно). Вокруг было шумно, и женщина к тому же начала почти шёпотом бубнить на самом ирландском или шотландском акценте, который я когда-либо слышал. Следовательно, понять её было крайне нелегко. Мне в глаз залетела моль.

Не знаю, может, этим она хотела меня показать, мол, попробуй сказать что-нибудь умнее, тогда поймёшь. Страшная это вещь – понимание. В общем, я не понял ничего.

13 октября 2021 г.

КРЫСЫ

В один из моих преизбыточных скучных дней я решил отвлечься от прогнившего домашнего быта и малость разнообразить себе жизнь. Для этого я выбрался на улицу с намерением пройтись по округу и подышать свежим воздухом. Светило солнце и, пускай мне это было неприятно, я обходил несколько скверов и через несколько минут нашёл себя около старой детской площадки. Поскольку мои ноги немного подустали, я решил присесть на лавочку под деревом. Я вспоминал про тот бардак, что творился дома, вся техника и мебель, будто в сговоре решила сломаться как раз, когда денег на починку не хватало, и на подходе были счета за коммунальные услуги.

На площадке дети, как им и свойственно, пытались вырыть в песке бассейн, у них получилась средняя яма, но стены всё время обваливались. Я подумал, что они не имеют ни малейшего понятия о строительстве в земле и не знают, что необходимы постоянные укрепления, балки и бетонирование стен. Я поймал себя на мысли, что и сам не ведаю всех тонкостей данного ремесла.

Меня отвлёк маленький ребёнок, который бегал по песку, но по неосторожности споткнулся и упал. Ребёнок был афроамериканцем, и другие дети от него убежали. Несмотря на это, я подошёл помочь ему подняться. Он не обратил внимания ни на других ребят, ни на то, что он

упал и просто начал играть и веселиться. Я задумался над философией этого момента.

Поскольку дома иступлённые птицы разбили окно, я вместе с песком переплавил афроамериканца в чёрное стекло. Донёс домой, начал чистить и выкручивать тряпки в унитаз. Вдруг слышу, в дверь стучат. Выхожу из коморки с туалетом – бабушка великодушно открывает дверь и выпускает в квартиру крыс. Я хотел было что-то сказать, но бабушка вдруг воскликнула «О, ещё одна!». Я выглянул дальше за угол, в предбанник, а оттуда в квартиру заходит кот Миша, весь мокрый и грязный.

– Где ты был? – спрашиваю Мишу.

А он смотрит.

17 октября 2021 г.

ПРОЩЕНИЕ

Я не был в конкретной позиции или конкретном месте. Я не имел назначения и просто существовал. Мне не надо было выбирать ту или иную позицию, хотя иногда выбор мне предоставлялся. А он, может быть, один и тот же, особенно если вариантами представляется не что-то определённое, а абстрактная пустота. Но это не означало, что меня не существовало.

Моё местоположение можно было назвать одновременно несколькими значениями, и это было бы настолько неправильно, насколько это было бы правильно. Упрощая ситуацию – я был между. Я видел настоящее как близкое будущее и будущее как финальный исход. Но настоящим для меня было прошлое. Поскольку моя идентичность не имеет права существовать вне описанного пространства, она строилась относительно полосы событий и смещения, на котором я находился.

Купаясь в привычном для меня эгоизме, то, где я находился, поддавалось моей интерпретации, более того, исходило прямо из неё. Таким образом, создавалось моё самоощущение как чего-то изолированного от всего остального. До тех пор, пока я не столкнулся с чем-нибудь настоящим, или чем по-настоящему ощутимым – то есть ещё большим эгоизмом, я бежал, фигуративно, как опешившее животное. Бежал в никуда и убегал от тьмы и всего сопутствующего, что обрело жизнь в моём разуме. Я видел осквернённый конец, я знал финальный исход. Я знал, что путь событий неизменим, но продолжал судорожно

пытаться избегать его, впустую. Каждый миг я корил себя за позже мною содеянное. Я был обречён и, хоть логически я понимал, что мой собственный путь принадлежит мне и что всё ещё должно произойти, мне казалось, будто каждая живая и неживая душа знает, что будет дальше и непрерывно осуждает и бранит меня вместе со мной самим. Я хотел выцарапать себе глаза, хотел провалиться сквозь землю, лишь бы избавиться от всего этого хоть на долю секунды, избавиться от этих мыслей, познаний и просто забыть обо всём.

Я вспомнил, или действительно узрел старый колодец посреди леса, в окрестностях деревни. Разнообразный мох обвивал его основание, балка для цепи давно была сломана, а в самом колодце нельзя было больше разглядеть тусклый отблеск воды. Неопределённое количество времени я, одновременно и задумчиво, и как-то равнодушно, всматривался в глубину. Я опёрся на сырые камни. Меня била крупная дрожь, и я чувствовал себя совершенно разбитым. Я помнил исход и знал, что он будет здесь. Я чувствовал порчу рассудка и знал, если сейчас я сделаю это, то нить оборвётся и всё можно будет предотвратить. Мои наивные мысли взяли верх и я погрузился во тьму.

Конца не последовало. Стало тихо и спокойно, но я не мог поверить, что ничего не вышло. Я разглядел свет. Сзади исходило тепло, напоминающее о реальности, которая так никуда и не исчезла. Конца этого не могло быть. Но он наступит. Я продолжал строить возможные исходы, хотя знал, что все дороги определённо приведут туда же. Запах мокрого бетона и плесени насыщал воздух, знакомые ощущения навеивали воспоминания о прошлом, но я не мог отвлечься, я знал, что буду действовать, и знал, что последует дальше. То, что последует и что есть сейчас пока что можно называть прошлым. Я осмотрелся. Перед глазами вырос туннель, что освещался слабым жёлтым светом. Подземный ход постепенно расширялся и, наконец, закончился прямоугольным помещением. Там была странная квадратная металлическая рама, блестящая так, словно она была из цельного куска стали. Меня окружал где-то десяток дверей. Я подошел к одной из них. Дверь была из бордового дерева, покрыта лаком и, тем не менее, не смотря на такой вид, характерный для стандартного жилого подъезда, органично вписывалась в среду. Я нажал на холодную и мокрую от конденсата позолоченную металлическую ручку и дверь открылась. Войдя в помещение, я обнаружил перед собой тот же колодец. Я повторил действие и выбрал другую дверь.

Солнце светило сквозь листья деревьев парка возле гастронома. На площади перед ним было какое-то действие, собрался народ и толпой стоял в ожидании чего-то или внимая какую-то информацию. Я был абсолютно равнодушен к тому, что происходило там, но моё внимание поймали знакомые лица в тени под деревьями. Я был уверен, что лица были тех людей, которых я знал, поэтому начал приглядываться и медленно подходить ближе. Группой из четырёх человек действительно были мои товарищи, трое из них. Четвёртой была... Она. Я почувствовал ком в горле, когда увидел её там, словно она уже давно ушла и только сейчас я могу её увидеть последний раз. Сказать последнее слово. Но последнего слова не должно было быть и в голове ничего не появилось. Группа беседовала о чём-то, но один из них увидел меня, так как я подошёл достаточно близко, и теперь уходить, как будто ничего не случилось и не случится, было бы уже странно, или, быть может, не вежливо. Я подошёл и поздоровался. Хотя я и чувствовал всё пока что происходящее достаточно отстранённо, чувствовал, что во всех этих мелких деталях нет никакого смысла, я всё же ощутил заметную неловкость, возникшую среди группы, и связал это со своим появлением. Я решил попытаться хоть как-то отвлечься, оттянуть время и начал с типичных вопросов, пытаюсь развить разговор. Ничего так и не получилось, все ответы, которые я получал, были сухие, короткие и абсолютно формальные. Несколько раз мне удалось взглянуть на Неё, но та либо разглядывала деревья, либо всего лишь пусто смотрела мне в ответ. Я ожидал, в надежде, что она скажет хоть что-то адресованное лично мне, не простые циничные прикладные фразы, я молил её в глубине себя, но этого не произошло. Я знал, что этого не произойдёт. Я сделал вид, что мне нужно идти и двинулся на площадь. Группа продолжила оборвавшийся разговор, не оглядываясь на меня. Я ступил на раскалённый солнцем асфальт и провалился в пропасть.

Я начал по очереди проверять каждую из, на первый взгляд, одинаковых дверей. Ни одна из них не вела наружу. Наружу замкнутого пространства, которое я определил для себя; за пределы пути предначертанных событий. Я чувствовал приближение кары, постоянное давление тревоги нарастало и становилось невыносимым, доводя меня изнутри до безумного, лихорадочного состояния. Я знал, что не должен был дать этому случиться, всеми силами должен был пытаться остановить это, но было слишком поздно. Настоящее уже зашло достаточно далеко. Я открывал случайные двери, но за каждой из них теперь была лишь банальная комната с формальными деталями и базовым строением.

Под видом давнего знакомого ко мне подошла тёмная сущность. Призыв действовать был неторопливым, я бы сказал, элегантным. Я не принял сущность, как переход в настоящее и не понял её смысла изначально. Сущность пригласила меня найти выход. Я последовал за ней. Мой проводник привёл меня к очередной двери, и я недоверчиво открыл её. За ней оказалась квартира. Я понял, что выбрался, я понял, что стал на следующий этап, я перешёл границу.

Проводник находится рядом. Я стою в гостиной, не трачу много времени на то, чтобы оглядеться и бесшумно прохожу в одну из комнат. Всё складывается, словно тщательно и кропотливо сконструированный пазл. На диване в гостиной лежит он. Я замираю на несколько секунд и вижу, что он медленно дышит. Он спит. Я догадываюсь, где нахожусь и понимаю, что соглашаюсь с грехом внутри себя. Проводник смотрит на меня, ничего не говорит, но я понимаю, что он ожидает меня. Ожидает моего действия, моего полного согласия, моей готовности. Я мысленно даю ответ. Сущность плавно передвигается к фортепиано, стоящему в комнате и начинает играть знакомый мотив. Он просыпается, понимает, что что-то не так и видит меня. Где-то секунду он лежит, тупо всматриваясь в меня, и затем вскакивает с кровати, поняв, что в квартире чужой и, нервно осматриваясь, тянется за молотком, лежащим поблизости. Я не делаю резких и необдуманных движений. Я готов. Я знаю, что всё случится так, как должно. Проводник либо останавливает его, либо момент в целом и даёт мне возможность это сделать. Я стреляю.

Странно, но то, чего я так боялся, сейчас кажется весьма приятным, будто так и должно быть всегда, будто я нахожу последний фрагмент этого пазла и получаю ясную картину. Я чувствую себя властным над временем, над фортуной и не только своей нитью. Стиснув зубы, он падает на пол, тупо смотря перед собой, цепляясь руками за всё подряд, опрокидывая какие-то никому не нужные книги, стоящие на тумбе, роняя молоток, падение которого глухо отзвучивается по комнате. Мною движет непреодолимое желание большего наслаждения и я, недолго думая, поднимаю его и подхожу ближе. Использовать револьвер вновь было бы слишком банально и быстро. Я вижу, как дрожат его пальцы, я вижу неверие в его глазах, когда он трогает рану от пули, смотрит на руку, что теперь измазана кровью и не может поверить, что это всё-таки случилось. Но я знает неизменяемый путь судьбы. Я выполняю свою задачу, начертанную предвиденным исходом. Он смотрит снизу мне в

глаза, его взгляд наполнен страхом и замешательством, это развлекает меня, когда я вновь и вновь осознаю, насколько я властен над ним. Замешательство сменяется мольбой в едва заметной мимике, но он так и не говорит ни слова, просто остолбенело глотает воздух, конвульсируя на полу, в ужасе ожидая того момента, когда жизнь покинет его с последней каплей крови. Мне в какой-то степени нравится, что ему хватает логики никак не действовать, осознавая свою уже неизменную беспомощность в данной ситуации и показывая это. С другой стороны, представляя, насколько ещё более жалко он бы выглядел, судорожно ползая по полу и размазывая кровь по ламинированным доскам, я жалею, что не увижу этого. Но я польщён, что он не действует, этим он уважает меня и признаёт мою власть. Я недолго купаюсь в своих мыслях и молча замахиваюсь молотком. Он рефлекторно приподнимает руку и пытается крикнуть, но я достаточно быстро затыкаю ему рот, вкладывая весь прошлый гнев и тревожность в удар по его голове, оглушая его на мгновение. Хрустящий мокрый звук раздаётся по комнате. Я разбиваю ему лицо, но он ещё жив и всё ещё в конвульсиях. Следующий удар приближает его к кончине. Ничто так не удовлетворяет меня, как этот момент. Следующий превращает лицо в месиво из крови, сломанных костей и прочего, так же заканчивая его жалкую жизнь. Он перестаёт двигаться сам, теперь его голова и тело вздрагивают лишь от каждого удара. Следующий удар дополняет картину. Голова и зона ключиц превращаются в месиво из отбитой, облезавшей кожи, костей, мяса и внутренностей. Следующий удар приносит мне катарсис. Следующий удар даёт эйфорию. Следующий удар заканчивает поток. Молоток достаточно качественен и не ломается, пока я не выдыхаюсь окончательно.

Я осматриваюсь, но никого кроме меня в квартире нет. Кроме Неё.

Я смотрю на то, что могло иметь место быть. Она выглядит встревоженной, но не в панике. Я подхожу к ней и осматриваю. Она смотрит сквозь меня, будто меня там и нет, и есть лишь судьба, необратимый ход событий, собранный временем. Я вспоминаю встречу и понимаю, что всё так и остаётся. Если бы Она закричала или попыталась убежать, я был бы рад. Но Она фактически игнорирует меня как личность, что приносит мне глубокую боль. Я принял на себя роль судьбы и отказался от себя, следовательно, этого и следовало ожидать. Я думал, что был готов, но этот момент застал меня врасплох и я почувствовал слабость. Но я непоколебимо стою перед Ней, а она пристально смотрит на него. Всё кончено. У меня не остаётся больше ничего, и теперь она может меня понять. Это меня успокаивает. Я

подношу револьвер к её голове, но она будто даже не замечает. Я действую медленно и жду несколько секунд, возможно, когда-то, в подобном моменте я молил её ответить, хоть как-нибудь, но сейчас мне всё равно. Она продолжает смотреть в пустоту. Она выбрала свой путь. Я выбираю свой. Нажав на курок, раздаётся выстрел. Я прохожу настоящее и направляюсь к исходу, зная, что выполняю предназначение и что путь был предначертан. Это наполняет меня ликованием и чувством полноценности.

Я буду знать, что я полностью один, но почувствую чужое присутствие, знакомое, но отнюдь не близкое. В голове будет играть бесконечная банальная музыка, но ни одна нота не сможет осмыслиться, не сможет выступить ни как самостоятельная единица, ни как связующая часть целого. Кто-то будет ждать меня за дверью, и я пойму это, но не смогу заставить себя открыть её или посмотреть в щель.

Выйдя в другую комнату, я увижу улицу. Небо будет затянуто и начнёт смеркаться. Будучи потерянным в пространстве, которое я не смогу осознать, мои действия не будут полностью рациональными и произведёнными мною. Я не смогу достаточно осознанно реагировать на окружение и на судьбу. Раздастся либо первичный, либо очередной выстрел. Попытаюсь скрыться, я войду в переулок и попаду на другую сторону, где был солнечный день.

Я буду стоять на пороге жилого дома. Передо мной была светлая и по-простому непринуждённая зелёная поляна. На пороге, в лёгком кресле сидела пожилая женщина. Я пойму, что моё присутствие здесь неуместно и решу уйти, но женщина остановила меня и сказала, что я останусь, на то время, которое мне понадобится. Я скажу, что здесь спокойно и поблагодарю, но женщина ничего не ответила, она просто знала, что я буду чувствовать, и видимо тоже понимала ход событий. Я не запомню, что я буду там делать, видимо просто буду сидеть рядом с ней и смотреть на солнце и траву, но в итоге встану, чтобы уйти. Моя жизнь будет на другой стороне, и я смогу прятаться лишь временно. Женщина остановила меня, взяв за руку, и положила в неё первое подношение – небольшая золотая ложка, с высеченными узорами. Она сказала, что это благословение и я пойму, когда придёт время.

Выйду я ещё не на ту сторону, а к женщине зрелой. Она принимает меня с добром, к чему я привыкнуть не смогу. Она наливает нам обоим чай, и мы сидим некоторое время, пока она просто беседует о чём-то

бытовом и несущественном. В итоге она даёт мне золотую цепочку и говорит то же, что и говорила пожилая женщина. Я отправлюсь дальше.

Последнее прощания я получу от престарелой женщины. Она будет слепа и не сможет ходить, поэтому я помогу ей приготовить поесть и убраться в доме. В исходе, последним подношением будет кровать-машина.

Ещё российские оккупанты взорвали несколько станций метро, поэтому оно закрылось. А у меня собака была. Большая, настоящая. Но ей Богу милая, смешная такая. Гулять любила сама, а когда домой приходила, то откуда-то деньги в пасти несла.

11 марта 2022 г.

ФАУСТ

Светлана Николаевна прошла собеседование в, по-моему, 8-й музыкальной школе. Никогда не мог запомнить, как она точно называлась или какой номер имела, мне не приходилось там официально работать, и документы я с ней не выписывал. В основном корпусе академии, как раз, не хватало классов, и я решил поздравить Светлану Николаевну и провести свой урок в школе. Не помню, получила ли она тогда должность или только прошла собеседование, но это было не важно, и я не затрагивал эту тему особо, когда поздравлял её. В любом случае, ей было очень приятно. Мы стояли в главном холле, подошёл мой ученик и я, взяв в руку ключ от кабинета, что мне посчастливилось получить от знакомой, которая работала здесь, пошёл с учеником налево по коридору.

Слева в коридоре светил дневной свет, но на улице было пасмурно. Я люблю такую погоду, но только порой от неё сил нет, а надо работать. Куда-то проходила Ирина Серафимовна. Она, конечно, меня не узнала, ну и какое ей было дело до меня, а мне до неё. Я просто мысленно пожелал ей заплесневевшего хлеба в пенале и пошёл дальше по коридору. Достав выданный мне ключ от кабинета, я засунул его в замочную скважину и провернул два раза против часовой стрелки, чтобы открыть дверь.

Это был теоретический кабинет, конечно, я не ожидал рояль или что-либо близкое к приличному. Если у нас и покупают рояли, то накрывают простынёй, прячут и ставят на охрану посменно 10 злых настройщиков-скрипачей, которые сделают всё, чтобы на инструменте никто никогда не играл, Боже упаси ученик. Рядом с классной доской справа от входа по

центру стоял столик, а у стенки – фортепиано. В кабинете оно было одно, поэтому ученик сел посредине, а я намеревался сесть справа от него. Пока ученик разыгрывался, я доставал ноты из рюкзака. В остальной части кабинета стояли парты, напротив входной двери были оранжевые шторы, которые ещё больше светились от дневного света.

Когда ученик разыгрался, мы начали проходить новую программу. Он разобрал моё произведение первым, видимо чисто из любопытства, с него мы и начали. В программе требовалось произведение украинского автора, я самодовольно предложил себя и, почему бы и нет, мы взяли на разбор №3 из сюиты «Рессата». Мы передвинули фортепиано к середине кабинета, чтобы свет падал на ноты и было удобнее сидеть. Я взял сборник и, открыв его, поставил на пульт. И вдруг... Почему, собственно, неожиданно? Почему сразу вдруг? По воле моего сознания, когда я уже почти сосредоточился, когда моя сосредоточенность потекла по моим нервным центрам как тёплый поток летнего воздуха, периферийным зрением я заметил что-то крайне из ряда вон выходящее.

Штора зашевелилась и оттуда вышла худощавая старуха, из таких, которые на базарах сидят, или на которых наталкиваешься случайно в гастрономе и не можешь пройти, потому что она долго хлеб выбирает, не замечая тебя. Подобного рода старух у нас много, и они не вызывают страха у прохожих (а чего их бояться?), потому что знают все на свете — про погоду там или цены. Но эта страшная была, противная, ей Богу ведьма. От оценки и переваривания её внешнего вида я перешёл к обдумыванию не менее жуткой дилеммы – как она тут появилась. Действительно, все окна были закрыты, иначе шторы бы покачивались от сквозняка, снаружи открыть их нельзя было. Значит, она тут и была, неизвестно, сколько времени после того, как кабинет последний раз открывали. От абсурдности состоявшейся ситуации у меня пошли мурашки по коже.

Старуха вышла где-то на метр от шторы, медленно, глазами устремившись куда-то вдаль, как-бы не замечая меня, будто её осенило. Мой ученик, скромный, сидел и молчал.

– Вы тут были заперты? – вежливо спросил я, но в голосе читалось неверие и некий шок.

– Да... – задумчиво ответила старуха.

Я подумал, что может действительно неудача приключилась и что она просто так радуется, хотя и выглядит умалишённой. Возможно, не стоит браться за предрассудки, может она почует и обидится. Я почти

собрался, но из шторы, следом за старухой, вышла молодая девушка, русые волосы до ключиц, карие глаза. Я конкретно потерялся. Ученик сидел и молчал.

Девушка тоже находилась в какой-то прострации и смотрела в никуда. Обе стояли и не двигались. Я подумал, что лучшим выходом из ситуации будет продолжить урок, как ни в чём не бывало. Подумаешь, из шторы выходят женщины, может у них свои дела.

В произведении размер был более-менее понятен, но имелось смещение, и ритм звучал то по 3, то по 4. Мелодия звучала на фоне заполняющих тремоло. Ученик не до конца понял мелодию и хотел разобраться на уроке. Я взял ноты, всмотрелся, поразмыслил, о чём я думал, когда писал и стал бы объяснять, но тут старуха начала точно напевать её.

Тут я уж окончательно остолбенел и ноты выпали у меня из рук. Я не был известным и, скорее всего, музыку слышало человек 10, не более, 9 из которых – мои друзья.

– Вы это знаете? – спросил я, поднимая ноты с пола.

Я вставал и не полностью обратил внимание, вроде старуха кивнула. Было сложно продолжать урок спокойно в свете таких событий. Ученик сидел молча. Мы всё-таки пошли дальше по произведению. Я думал попросить старуху и девушку покинуть класс, но это было бы невежливо с моей стороны. Вдруг это какая-то заведующая, я плохо знал персонал школы. Вдруг мою музыку действительно слышала большая аудитория?

Я не заметил, с чего это началось, но активизировалась девушка. Она начала ходить вокруг. Когда мы доходили до определённых моментов, она пыталась заговорить со мной о произведении. Неужели и она его знает? Может внучка, или новый интерн. Я старался вежливо её заткнуть и продолжать урок, но она в итоге опять начинала что-то говорить про то, «как чётко прорисовывается архетип зла, используя определённую барочную символику». Я уже и не помню, что точно она говорила, мысленно я погрузился в урок и говорил ей, что, если она хочет это обсудить, то лучше потом. Она рассказывала план произведения и его символизм. Ученик молчал.

Внезапно я понял. Девушка выглядела будто искусственная, а старуха – словно ею управляет... Это могло быть испытанием надо мной... Я так задумался, что не и заметил, как класс погрузился в крошечную тьму. Должно быть, я закончил урок и присел подремать, да и настала ночь. Странно, как меня не выгнали сторожа. Но я не помню, что было после

того, как девушка говорила и после моих размышлений... Я вспомнил «Фауста» Гёте, мозг сам по себе складывал паззл из всех деталей, девушка – как прообраз Маргариты, а старуха – никак сам Мефистофель... Рядом вроде никого и не было. Я не видел абсолютно ничего, но ощущал, что сижу. Я достал из походного кармана коробок спичек и зажёл старую свечу, что стояла сверху на фортепиано. Звук зажигания серы звучал, будто взрыв в полнейшей пустоте тёмного кабинета.

Свеча понемногу разгорелась и постепенно осветила небольшой радиус вокруг себя. Сквозь тьму, пока мои глаза исподволь адаптировались к темноте, я старался осмотреться и принять во внимание расположение класса. Я заметил что-то похожее на едва освещаемый светом свечи силуэт и сначала подумал, что мне показалось. Но взглядевшись во тьму, я увидел, что это была та девушка, в абсолютной, жуткой статике; старуху в темноте найти не удалось. Но я узрел ещё большее. Лицо девушки поистине было маской. Она была наполовину снята, и за ней прежде скрывалось настоящее лицо самого дьявола. Либо я постарался его забыть, либо по случайности не помню, либо лицо действительно было столь неосвязаемым и непонятным мирскому оку. Помню лишь факт, что даже в свете свечи оно было изуродовано и безобразно. Дьявол что-то изрекал мне, но и это я забыл, или, возможно, просто не смог понять. Мне было не по себе.

Дальше лишь помню, что глушили недопитое с Нового Года шампанское с Матвеем, и я ему по пьяни рассказывал, что видел самого дьявола. Он смеялся, а я пытался ему доказать, ведь, клянусь Господом своим, видел перед собой его. А может и не видел, может, приснилось... Матвей рассказывал, как был со своей бабушкой вчера в мечети на службе, которая просила его дверь закрыть, чтобы не мешать Фёдору. Или, наоборот.

4 июля 2022 г.

ДЯДЯ МИТЯ

Было уже довольно светло, начинали просыпаться птицы. Не помню точно, когда они принялись за свой ежеутренний галдёж, я, скорее, его не замечал, а может они начали всё только сейчас. Я решил перевести дыхание, присев на диване в гостиной. Возможно, стоило и подремать, но пока что я просто отбросил все мысли, что столь длительно мучали меня и теребили мне мозги. Я прикрыл глаза. Где-то в доме хлопнул ставень, и раздались осторожные шаги по коридору, по которому я

только что так долго шёл. Я осторожно приоткрыл глаза и посмотрел туда, где по моим предположениям должна была идти лестница на второй этаж. Никого там не оказалось.

В полном уединении я начал уделять больше внимания крику птиц. Я подумал, что светящийся сквозь штору рассвет вместе с ними помешали бы мне расслабиться, но пока что я был в порядке и не раздражён. Не знаю, сколько сидел я так, но через некоторое время, я уловил себя на мысли, что вполне понимаю, о чём говорят птицы. За утренним окном без конца звучало «Где деньги взять? Где деньги взять?» и данная мысль меня несколько озадачила. Я не придавал чересчур большого значения тому, что вдруг начал понимать их, меня просто развлекали их переговоры. В приподнятом настроении я, видимо, сам стал их передразнивать и негромко повторять «Где деньги взять? Где деньги взять?».

За входной дверью слышались шаги, я открыл глаза и замолчал, хотя птицы ещё продолжали спрашивать. Шаги оправдали себя: в гостиную зашёл дядя Митя в ночных шортах и без рубашки, видимо только проснулся в яром похмелье. Долго не раздумывая и смотря сначала перед собой, потом куда-то влево от себя, он, не переводя взгляд, прокричал «Давно известно!». Либо он не протрезвел окончательно, либо услышал меня (хотя птицам подражал я достаточно тихо), либо же птиц понимать мог не только я и они на самом деле эволюционировали и поступили в институт лингвистики. Я подумал, что, наверное, теперь придётся изучать птичий язык во избежание дискриминации по отношению к ним.

Мыслил я недолго, так как голос дяди Мити был достаточно громким и в гостиную зашёл ещё один сосед, ниже дяди Мити примерно на голову. Сосед подошёл к нему со стороны фикуса в углу. Возможно, он просто тоже проснулся и как раз направлялся в гостиную, но дяде Мите всё-таки замечание по поводу шума сделал. Тот перевёл свой задумчивый взгляд из пустоты на соседа, который стал выглядеть довольно жалко, особенно в глазах самого дяди Мити, смотрящего на него сверху. Я не успел обратить внимание на их разговор, или, стоит назвать его спором, так как в гостиную зашла ещё одна жительница, видимо, ещё не закончившая свои утренние процедуры. Между жильцами начался спор и к нему присоединялись всё новые и новые люди, пока они полностью не заглушили птиц. Вскоре в гостиной была толпа из примерно десятка человек, пока я сидел на диване.

Не ведаю, как обстоятельства и спор привели к этому, но в гостинной выделился шуплый, наполовину лысый старичок, наверное, управдома, а может просто какой-то почётный гражданин. Дело в том, что, когда его заметили в толпе, все как-бы притихли, возможно, чтобы он мог что-то сказать. Сказать у него было что, и тот сразу же произнёс: «А он блок!».

Не знаю, имело ли это какое-либо отношение к Александру Александровичу, и какое вообще значение имело, но мне показалось это забавным.

7 июля 2022 г.

ДЕНИС

Не припоминаю, что предшествовало моему нахождению в послеполуденное время в парке возле старой музыкальной школы, но я задумчиво шёл к площади. Было немного жарковато, вокруг старого заросшего кинотеатра по бокам от дорожки стояли двое бритоголовых с отпиленными ушами. Один из них держал в руках сковороду с остывающей едой и поднос с зелёными мухами, уже успевшими тучами подняться с увядших цветов под кустами. Меня это не интересовало.

На площади я подошёл к пирожковой. Задумчиво глянув на ассортимент, я почувствовал приступ голода. Когда я уже почти отвернулся, и оглянулся на руку у себя за спиной, она вдруг, словно приворожённая, рванулась за мной и хлопнула меня по плечу. Я вздрогнул.

– Извините, обознался.

Я попросил слойку с вишней и полез в карман за купюрой. В качестве сдачи, продавщица отсыпала мне огромную кучу монет. Я подумал, как уместить их в кармане, но пока я думал, пару-тройку железных успел украсть какой-то бродяга. Он побежал на троллейбус, а я рванулся за ним.

Забежав в троллейбус, забрался в дальний угол на заднюю площадку и с интересом стал наблюдать, куда он едет. Но в это время троллейбусы стали выходить на Тверскую, он тронулся и уехал. Тогда я заметил перед собою давнего знакомого на имя Денис.

– О, Женька, я как раз вот хотел Винстона купить, у тебя не найдётся?

– Привет... А сколько они стоят?

Я был немного озадачен, но тут же подумал: «А почему бы и нет?»

– М-м... – отвечал Денис, – ...четыре с половиной сантиметра на двадцать два... дюйма!

И Денис разразился таким хохотом, что я перепугался – а вдруг он, таким образом, узнал, о чём я думаю? Кто я для него? Просто человек, с которым он когда-то учился, живший в одном дворе. А он тем временем продолжал хохотать и вытирал слёзы. Я смотрел на него и даже не заметил, как бродяга умудрился украсть у меня ещё пару копеек. Тут я рассердился, схватил его за воротник и, открыв дверь, выкинул из едущего троллейбуса.

А потом я, повернув назад, вдруг понял, зачем я хожу в парк. Так почему-то получилось, хотя это было совершенно не в моих правилах.

15 июля 2022 г.

NaOH

– Переподключил?

– То есть?

– Ну, настройки?

– А для чего это?

– Ну, ты что, не знаешь? Для программирования.

– Какого?

– Ну, на Кофт.

– А-а... – скорее чисто из приличия, хотя всё ещё не было понятно ничего, но снова переспрашивать было уже неудобно. Всё равно, заикливаться – плохо; сто́ит лучше обдумать синтаксис недопитых бутылок из-под коньяка и сравнить с синтаксисом пива. Было бы что куда, а на крайний случай – есть только гидроксид натрия. Много.

12 августа 2022 г.

МИКИТКО

– Кілько грошів батько давав?

– Сам вже й не чекаю, не прийнято вже. Де перехопити чого зможу – то і є мій грош, моя плата. Але сам Бог свідок праці, а батько ваш все

чекає чогось, либонь, тільки як картоплі зійдуть так може й матиму змогу одпочити.

– Такого йому не кажіть. Він змилюється, знаю.

Малий Микитко йшов вздовж яру, зарослого очеретом, і кликав за собою бідака, що працював на батьковому господарстві. Той волочився, бо так треба було, і тихо шаруділа за ним сапка. І хоча Микитко добрими та чесними очами йому дивився, а такі очі в батька були лиш коли вони самого Микитку бачили.

– Чому ж на ви зі мною?

– Батьки навчили. До старших завжди маю з повагою звертатись.

Сонце скоро сідало б за обрій, але все ще пекло лоба та сліпило очі. Микитко раптом зупинився, почухав брови і поліз рукою у кишеню. Звідти дістав млинця, повернувся та простягнув руку бідакові.

– Це що?

– Млинець, а хіба не видно? Це вам, поїжте.

– А як же сам, Микитко?

– Батьки не бачили як взяв, як після обіду частувався. Їжте.

Бідак узяв млинця, ще теплого, за по шматку їв. Вони проходили сусідську хату, з якої тільки вийшла господиня. Микитко з сім'єю добре знали їх, бо молоко в них купляли, коли своя корова не давала, так і повелось, що треба бідакові було всіх узнавати. Низько уклонився він на зустріч.

– Микитку, розумнику наш, тебе ж, певно, вже вечеряти чекають. Кого ти з собою притаскав?

– Це ж батьків робітник, ви ж його знаєте. Він тільки з поля, ну і я з ним.

– Ну диви собі.

І пішла до свого городу, а ці пішли далі, вздовж паркану, до хати. З сусідської вийшов і пан господар, хтось казав, бувший козак, та ніхто не бачив ніколи його з шаблею. Мабуть, вони тільки повечеряли, бо він тримав в руці хлібину. Озирнувшись навколо та поміривши оком широке поле, він помітив Микитку, усміхнувся, зіступив зі сходів, відірвав шматок від хлібини та подав йому.

– Пригостися, хлопче. Жінка напекла, на молоці нашому ж, на борошні нашому!.. Матері розкажи, який хліб смачний у пана Ярослава, нехай до нас завітає з мішечком.

Знову всміхнувся і пішов за жінкою. Двоє рушили до двору.

– Вибачайте, не дозволено, – мовив Микитко і з’їв хлібину, бо вже був біля хатини і крізь вікно видно було як відблискує сонце батькова потилиця.

Назустріч вибіг Федько, старший. Почав лаяти малого за те, що пізно вернувся і що повівся з бідаком. Погрозив батькові сказати, якщо той не випросить в нього гроша, бо такою патороччю був для батьків і як не дістане гроша – так усі в шинок. Потім за війну згадав, аби виправдати лайки свої переживаннями за братика, хоча невідомо, чи дійсно лишилось щось в його серці, чи все залила горілка.

Відчинились двері, та, напевно, почувши голоси, вийшов батько. Завидів спочатку бідака і брови його страшно насупились, але коли поруч побачив синів, то спочатку трохи посвітлішав, а потім, все ж, почав і сам кобенити. Повторив докори Федькові, а коли бідака згадав, то підійшов гнівливо до нього майже впритул і завів таку лайку про недогодованих курей, як би з нього хто паси дер.

– Сонце світлеє, що Бог дав нам, вже сідає, а курцівки бідні зранку ще ніц в клюві не тримали! А ти, сучий небоже, син бісовий, вештаєшся тут як душа пропадає!

Федько взяв малого Микитку за руку і повів до хати. Той обернувся на батька та бідака, але нічого не вимовив. Вийшла матір, подивитись, що коїться. Зачинились двері.

– Добрий пане, багатиму не гніватись та згадати тую пору вранішню, що ви мені цими ж вустами мовили аби я виполов бур’янів не лиш на всій картоплі, а й далі, до кінця землі вашої. І як вранці лиш юшки зміг перехопити, поки гнали ви самі в спину мене, так і сам не їв нічого, тому й під кінець сапку ледь в руках доніс до хати вашої і добрести зміг, дякуючи синові вашому зичливому. Якими руками міг би я курей годувати, як ті руки бур’яну видирали з землі вашої родючої?

Покосилися очі батькові.

– Ти ще й Микитку мого бідного своїм ротом брудним згадати посміє?

Взяв батога.

– Кайся.

– Будь що готовий робити вам, але перед Богом чистий. Лиш помолитись можу. Гріхів не маю на собі, чесну роботу за вашими словами...

– Та що знаєш ти, про чесність? Безвірнику ти, ще буде говорити до мене. Кайся, кажу, виродку.

– Бог мені свідок. Не буду.

Мати хутко пішла до хати і почала на стіл ставити. І невміло заспівала пісню стару, що десь почула, мабуть, коли до ради ходила. А сини зайняті були смачними галушками, і сказав Микитко матері про пана Ярослава та його жінку, і засміялась мати, і скоро прийшов батько та дозволив собі опрокинути чарку, бо попрацював він славно і втомився.

23 августа 2022 г.

ГЕРОИ

Действие первое

Смежная комната третьего этажа многоэтажного дома, из которой некоторые жильцы попытались сделать гостиную, но комната всё ещё выглядит пустоватой и, в то же время, неубранной. День, ближе к утру.

Первый. Ну что, доигрался?

Второй *(вытирает нос)*. А ну попробуй! Да я тебя в милицию сдам! Да за тобой столько приедет, что ногами затопчут!

Первый *(подходит ближе)*. Ага, посмотрю я на это! Я тебя сам предупреждал, но нет, конечно же, ты не слушал. Никогда меня не слушал, и сейчас пришла пора платить!

Второй. Не возьмёшь у меня ни крошки! *(Орёт, падает на пол, хватаясь за шею)*.

Первый *(отходит, прячет то, чем убил его в карман)*. Ну вот. *(Оглядывается, подбегает к телу и шарится в карманах его пиджака)*. Наглая тварь. *(Кладёт что-то к себе в карман и убегает)*.

Старушка. Караул?

Действие второе

Комната консьержки многоэтажного дома с открытым видом на лестницу и лифт. Консьержка завтракает.

Старушка (*бежит вниз по лестнице*). Татьяна Михална! Звоните в милицию!

Татьяна Михална (*проглатывая бутерброд*). Какую милицию?

Старушка (*отдыхиваясь*). Как какую? В участковую звоните.

Татьяна Михална (*проглатывая второй бутерброд*). Зачем в участковую? Караул?

Старушка. Караул?

Действие третье

У входа в многоэтажный дом, на лавочке сидят две старухи и что-то обговаривают. День, послеобеденное время, зима, снег лежит на дорогах и клумбах.

Женщина (*важно*). Я вам ещё раз говорю. Прихожу домой. Всё как обычно, снимаю шубу свою, которую мне муж из командировки привёз, хочу её повесить, а вешалки-то нет! Куда подевалась, не знаю, только же недавно на рынке купила. Теперь ещё и заявление на неё писать, Боже помоги... Мужа спрашиваю, а он, говорит, спал весь день, не видел. И вообще, говорит, не обращал внимания, где та вешалка у нас стояла и что она вообще была у нас... Ну вот то думаю может и я чего-то того, ну знаете. Уже не молодая, знаете. Ну и прохожу в спальную, а муж там где-то что-то делал, ну не об этом, в общем. Сажусь, дыхание перевести, подумать, вдруг раз, шорох слышу. Смотрю: а дверка от шкафа-то двигается как-то, будто есть там кто-то, в самом деле. (*Драматически вздыхает, хватаясь за сердце*.) Я мужа зову, он говорит, что я сбредила совсем, а я ему твержу, что в шкафу есть кто-то.

Журналисты. И это был убийца?

Пауза, женщина в замешательстве.

Женщина (*немного возмущённо*). Нет, ну какой убийца, право, я вам про одно говорю, вы мне про другое. В шкафу сидел кто-то, Боже, я перепугалась так...

Действие четвёртое

Личный кабинет Петровича. Приглушённо звонит телефонный аппарат.

Петрович *(медленно, с отрешённо-сладкой улыбкой)*. Слушаю?

В телефонной трубке слышится неразборчивый нам голос.

Петрович *(продолжая услужливо улыбаться)*. Да-да...

Голос продолжает что-то говорить.

Петрович *(наклоняет голову и облакачивается на спинку кресла, отчего то слегка поскрипывает)*. Всё понял... Непременно. Всего Вам доброго! *(Кладёт трубку, делает глубокий вдох и мечтательно смотрит в окно.)*

Действие пятое

Смежная комната третьего этажа многоэтажного дома. День, послеобеденное время. Пожилой мужчина закрывает окно. На ковре следы крови, вокруг которых стоят двое участковых.

Старушка. А Ленка-то, карга старая, к себе жениха водить начала, я это с прошлой недели заметила. Мне бы кто сказал, так ни за что бы не поверила, что она кому-то приглянулась, то-то я её больше на лавочке не встречаю. И одевается теперь примерно, как на парад прямо. Сучка она, вот кто! Нет бы, работала бы себе в булочной спокойно, так и оттуда ушла, этот ей всё даёт, только живёт у неё теперь. Боже, бедный Теофил Геннадиевич, а вы его и не знаете, наверное. Дядюшка её, совсем старый, на одну ногу хромает, другой не ходит, знаете, как говорят. *(Смеётся.)* Ну, вы уж простите, да... Жалко, действительно, сидит себе в своём кресле целый день, а когда этот приходит, он же ему ничего и не скажет. А Ленка его увозит на кухню, негодница паршивая.

Журналисты. А где утром был её... мужчина?

Старушка. Я что-ли знаю? Да пропади он, не посмотрю в его сторону. Вон она выходит, крашенная вся, как стена монастырская. Ну у неё вон спросите, у суки этой бессердечной.

Елена. Это я сука? Да ты себя видела? Только и знает, как на всех гнать, будто тут самая хорошая, ага.

Старушка. А что я-то? У меня работа есть, в отличие от тебя, я сама себя прокормить смогу. И в школе деток учу, полезным делом занимаюсь, а не шляюсь где попало с кем попало. Тьфу!

Елена (*поднимая брови*). Я шляюсь? Я вчера, вообще-то, в театр ходила (*указывает вверх пальцем*), на Чайковского! Культурно развиваюсь, внимаю духовные познания, а не просиживаю старость перед этими твоими спиногрызами. Очень уж надо.

Журналисты. Елена, Ваш знакомый был здесь утром?

Старушка. Подождите говорить с этим позором. Ты хоть вообще помнишь название того, на что ходила, а? Спорим, не помнишь, только и знаешь, что Чайковский, Чайковский. Небось, и по имени его не знаешь.

Елена. Ну и какая разница, всё равно гораздо интереснее, чем это твоё. Пошла ты к чёрту!

Старушка (*выпучив глаза*). Я пошла? Это я пошла?! Сейчас я сама тебя отправлю к лукавому! (*Поднимает руку, бежит к Елене*).

Действие шестое

Парк, у замёрзшего пруда. Раннее утро, зима, идёт снег.

Станислав (*активно жестикулируя*). Всех, говорю, казнить. До единого. Ну, разве они не заслужили, сам подумай. Я тебе всё утро твержу об этом, а ты всё оправдываешь. Да в законе раньше всё было предписано – таких не то, что расстреливали, всю семью их могли наказать, чтобы знали!

Валентин (*несколько пренебрежительно*). Ну, Славик, друг, ну не перегибайте палку. Я Вас как нормального человека прошу, давайте просто забудем, ну разве мы не выше этого?

Станислав. Да какой выше этого?! Выше этого, выше того. Он сам подумал, что выше нас, выше закона, ага. Знал я таких выродков. Всех в итоге закопали. Всех, до единого. И ты мне ещё что-то тут доказываешь. Я тебе ещё раз говорю, раньше всё предусмотрено было. Все пальца боялись поднять на кого-нибудь, тем более на члена партии. Ну, я не могу сказать точно, был ли тот, как его... Не важно, был ли он партийцем или не был... А вот наказание должно последовать.

Валентин. Ну хорошо, хорошо, последует. Давайте я Вас лучше угощу чаем.

Действие седьмое

У входа в многоэтажный дом. Раннее утро, зима, идёт снег.

Андрей Никодимович *(выходит из дома).* Здравствуйте! Это мне?

Почтальон *(всматривается в бумагу).* Бобров Андрей Никодимович. Да, пожалуйста. *(Протягивает Андрею Никодимовичу газету).*

Андрей Никодимович *(улыбаясь, берёт газету одной рукой, другой ищет карман рубахи, в котором очки).* Благодарю за службу! *(Надевает очки.)* Всего доброго!

Почтальон уходит.

Андрей Никодимович. Так-с, посмотрим. На Московской начали строить новый гастроном... Возле пед. училища. И зачем он там, людям что, сто метров лень пройти? Действительно. Хм. Потерялась собачка, маленькая, чёрная... Что ж это за собака такая, если маленькая? Собака большой должна быть, иначе какой толк от такой собаки? *(Смеётся.)* Посмотрим далее. Продаётся фортепиано, недостаёт два... де... демпфера на... Какая, вообще, разница?

Андрей Никодимович продолжает неразборчиво бубнить. Занавес.

10 октября 2022 г.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Отмечал с коллегами день рождения. Встретились со Степаном да Матвеем, сначала приветствовались, поздравления звучали... Посидели, потом постояли немного, вспоминал, как сам родился... Еще раз вспомнил, какой ночью первый раз в жизни кричал. Я, наверное, уже большой тогда был, хорошо помню. Через определённое количество времени подошёл Никифор со своим братом. Первый раз такой смешной вид был. Одеты они так были, будто пошли за пивом. Но я-то знаю, что они водку пить собирались, Афанасий только по ней и был в последнее время.

Никифор с братом пошли дальше, а мы с ребятами пошли в ближайший гастроном. Там коньяк был настоящий, из французской линии, без всяких там палёных кавказских, которые у нас до сих пор делают. Мы не обратили внимания и бродили по отделам, скорее всего следуя за Матвеем. Я, как полагается, был с рюкзаком и по неосторожности в один прекрасный момент задел стоящую на полке пустую бутылку. Бутылка упала на пол, несколько раз подпрыгнула и

разбилась. Крик поднялся, такое эхо. Матвею в начале повезло, он сразу за витрину упал. А нас уже тогда там не было.

Идём по бульвару втроём, думаем, куда бы ещё зайти, где отпраздновать, как следует. Степан смотрел по сторонам и вдруг дёрнул меня за плечо, показывая на какой-то ресторан. Не бывал я в нём, но решили попробовать. Ничего так заведение, только музыка скверная. Правда, народ приходит со своими напитками в больших количествах. В этот раз рюкзак был у Матвея, так как я снимал пиджак, и он им нечаянно зацепил и разбил бокал с вином. Окружающие стали бросать в мою сторону непонятными шуточками, особенно девушки, смешно выглядело. Но мы быстро собрались и пошли к выходу. Люди всегда повторяют то, о чём думают в данный момент, поэтому самое время провозгласить тост за коллектив. Не физическая вещь это, поднимать его – не дело.

Решили вернуться ко мне домой ненадолго, кому-то в туалет захотелось. Степан всё с фотоаппаратом возился, он себе новый купил, для увлечений. То на улице незаметно запечатлевал нас, то комнату мою фотографировал, а конкретно полку. Я спросил его, чего же он так напрасно тратит плёнку, он меня уверять начал, что прикрепит фотографию полки на холодильник. Я пожал некоторыми плечами. Матвей пропал куда-то, но у нас со Степаном и не возникло никаких вопросов. Афанасий подключился, Степан и его начал фотографировать, но тот и не реагировал особо.

Уже не вспомню, сколько опрокинули, добрались до дома Степана, я провожал его, зашли в подъезд. В лифт заходим, уже почти решётку закрыли, как вдруг Альберт появился. Ну, мы поздоровались, люди вежливые как-никак, а он со мной заговорил. Сказал, что решил остаться тут и податься в инженеры. А дальше всё понятно.

Степан высадился, пошёл домой, а мы с Альбертом поехали вниз. Я хотел рассказать, что уже подписал контракт с американцем, но все слова вдруг куда-то исчезли. Вместо этого как обычно, про работу, про быт, как достало всё. Альберт особо не входил в разговор, просто слушал, внизу уже только сказал, что ему кого-то нужно с днём рождения поздравить и что идти нужно. Возможно, ситуация показалась ему достаточно неудобной, мне объективно оценивать реальность было сложно. Он добавил, что когда нам тридцатник стукнет, тогда встретимся пива выпить. Я удивился, спросил его, неужели он за здоровый образ жизни. Он ответил как-то положительно, на что я учтиво пожал ему руку.

Оказалось, что Альберту нужно было туда же, куда и мне. Я не знал, куда мне нужно было идти, поэтому шёл за ним. Добрались до трамвая как-то, я обогнал Альберта, побежал за прибывающим трамваем. На пути несколько раз стоял милиционер, но я успевал проскочить мимо. Под ноги попал какой-то мяч, наверное, соседские кинули. Навстречу шёл американец, не узнал меня и спросил, чего я уставился. Я решил воспользоваться моментом и побежал дальше.

Потом встретил Альберта с Матвеем. Последнему, видимо, удобнее опрокидывать самому, так как состояние его было не из лучших, и пел он что-то про «грудь за грудью», крестил прохожих и рассказывал какую-то пустую информацию об изотопах. Я особо не вникал, кратко передал Альберту, что произошло.

2 ноября 2022 г.

ОБЩЕСТВО

– Я обязан почесать затылок, иначе я умру.

– Эх ты, бесстыжий, глупый дуралей, чего ж ты делаешь весь день, почёсывая затылок? Ты кто, думаешь, такой, думаешь, есть у тебя досуг для чесания затылка, думаешь, что можешь целый день ходить и чесать затылок?

Но всем было всё равно, так как все были слишком заняты почёсыванием затылков.

9 февраля 2023 г.

ХУЕНБЕРГОНДЕЛ

Помните хуенбергондела? Уверен, что да. Сегодня я нашёл своё настоящее положение того момента (приблизительно 5 часов назад) где-то между югом и западом от дома, то есть юго-западом. По крайней мере, ощущения были такие, и визуальное восприятие совпадало с описанием. Случилось, забрёл в лесок, далековато (а может и близко), вокруг ни души, ещё туман сгустился, короче, совсем неоптимальная среда. Ну и с места ступить было некуда. Подошёл к обрыву, глянул вниз, а там внизу протекает маленькая речка. Долго стоял, смотрел на спокойные тёмные воды, на голые деревья, думал, размышлял. Почуял, как мне стало холодно, внутри как будто зазвенел кристаллик льда.

Я шёл по смутной тропе, пытаюсь вернуться назад, но возможно в некоторой степени дал себе потеряться. Я не ощутил, что всё потеряно, просто бездумно продолжал идти по дорожке. В один неохарактеризованный, но точно определённый момент я поймал себя на том, что большинство моих ног парализованы и я больше не иду, а стою на месте, не имея возможности пошевелиться. Паралич, словно тепло после рюмки, распространился по всему телу, начиная от ног и заканчивая шеей. Я мог свободно двигать глазами и моргать, но остальные мускулы лица оставались неподвижными.

А передо мной был хуенбергондел. Не знаю, появился ли он каким-то внезапным образом, или же спокойно надвинулся спереди, или не появлялся вообще, а просто был, но факт был фактом – хуенбергондел действительно был, и не просто в существовании, а непосредственно прямо перед моим лицом. Я, насколько это было в моей компетенции, оценил его достаточно неразборчивые качества и приготовился внимать. Хуенбергондел, быть может, ухмыльнулся (чисто объективно я это подтвердить не могу) и сказал мне какую-то фразу, возможно употребимую в некоторых количествах, на курлыкистанском, которую можно перевести на русский приблизительно как «ворон белое перо не спрячет» (мои знания курлыкистанского довольно неважны, поэтому перевод немного расплывчат).

Не помню, отпустил он меня или нет. Ближайшая память после того момента содержит меня, идущего к трамваям через гастронм. Видимо я пошёл к дому.

24 апреля 2023 г.

КОНСЕРВАТИЗМ

Скрипки скромно начали издалека приносить в зал лейтмотив, пока виолончели в унисоне с валторнами отвечали им в гармоническом подобии контрапункта, искусно пародируя оркестровые традиции эпохи барокко. Период вышел на кульминацию, мотивы столкнулись в переменном ритме, будто в нотах действительно была полиметрия. Но общая пульсация оставалась той же и заключение в привычном размере подытожили кларнеты вместе с гобоями. В ответ им сказали свой мотив скрипки. Постепенно, тема ушла почти полностью, лишь чтобы вновь подняться и прозвучать в повторе.

Взглянув на лица оркестрантов, сложно было понять, о чём музыка и о чём думают они при исполнении её. Инструменталисты казались

отрепшёнными, но внимательно следили за дирижёром. Началось соло скрипки, и скрипач вышел ближе к залу.

– Столько этого в музыке, что уже через горло лезет...

Если присмотреться чуть ниже, то можно было бы заметить всю карикатурность изображенного: дирижёр стоит в танке, а скрипач держит автомат вместо смычка.

– Ты про милитаризм в музыке? – спрашиваю я у него. Он стоит в вязаной шапке, куртке, тёплых штанах и валенках. На улице зимний вечер, вокруг лежит снег, и тусклый жёлтый свет фонарей едва освещает половину его лица.

– Ну да, наживаются на этом,

– В западной?

– Ну и у нас,

– Где «у нас»?

– Во Владивостоке. У нас часто бруклинскую скрипку путают. Вот так скрипач подойдёт, через забор вспизднет¹ в левый глаз, вспизднет в правый и потом побежит деньги снимать² пытаться.

13 сентября 2023 г.

БАЙКА

Така собі баєчка се утнула:

Ждала баба доки в хаті ніц виглядити не можна, сіла на лаву та й поїхала собі до хати діда страшити.

А дідо я бачив, він се добувся з бані да й мені так тією рудою бородою хизував, аж очі свистали. Мовляв, би се здало, диви, як цирульник з гóроду зробив, а він як розкаже, як потягне в думі за тую бороду... Вже за малу філю й чутка забивсь я чумуюк.

Ну що далі було я вже й не гавкну. Може й тая стара сама відьмою була, один німець й мовив що горіла як бервено сухе. Тільки відаю, що

¹ Вспізнуть – плюнуть.

² Здесь имеется ввиду снятие денег в банкомате путём идентификации лицом того, в кого вспизнули.

сам по тій хаті ходив і коли сонце се схова да ніч не видно, то дійсно ніби дітьчики водяться, порунтай хреста й до дучі забирайси.

13 сентября 2023 г.

МАТЬ

Темнело на улице. Тусклый свет освещал кухню и пускал тень по облезлым обоям. За полупустым столом, который давно не накрывали, сидела и читала книгу. Если бы кто спросил, о чём книга, то стоило бы подумать, прежде чем дать какой-то ответ, ведь что написано было на странице, читалось поверхностно и скорее для пропуска времени, нежели осмысленно и заинтересовано. Первая рюмка уже давно превратилась во вторую, потом в третью, а дальше уже и счёту нет, некому считать сколько выпила. На столе стояла бутылка, сухари из чёрного хлеба, к которым лишь она притронулась, и то, когда те ещё были тёплыми, остаток машинально оставляла. Оставляла и ждала, когда придёт кто, как в старые времена, сесть, рассказать чего доброго, опрокинуть очередную – за компанию. И ждала она, и знала, что некому прийти было, поэтому уже и половина бутылки была пуста, и даже больше, и в очередной раз наполнялась рюмка.

Переживала за сына. Знала, что тот не любит, когда она пьёт; догадывалась, что ему, наверное, рано утром вставать на работу, или службу, или просто он устал. Но надеялась, что услышит, как проскрипит дверная ручка, приблизятся шаги и присядет напротив. Хотела дать ему понять, что любит, насколько любит: по второму кругу крутилась пластинка с последним его сочинением. Знала, что сама далека от такой музыки, но пыталась проникнуться и всегда оказывать внимание. И вспоминала былые времена, и как воспитывался сын, и говорила себе, что те чудные гармонии, богатые непонятно чем, но столь завораживающие, что описать это было ей не под силу, писал не кто иной, как тот самый, кого воспитывала она. И по кухне звучала пластинка, и порой звенело стекло рюмки, бьющееся об горлышко бутылки.

Где-то вдалеке лаяли собаки, шумели несколько секунд, вскоре затихали. Свет уличных фонарей отражался в бутылке. Небрежной рукой налилась последняя стопка, и пустая бутылка стояла на полу, под ногами. Всё ждала, хотя бы, что тот выйдет в туалет, или глотнуть воды, и она увидит его и посмотрит в его по-прежнему детские глаза на взрослом лице. И вспомнит, который год уже ей, и покатится одинокая слеза по морщинистому лицу, которой сама сродни, лишь не катится, а

слегка пошатываясь, сидит в ожидании. Хотя свет был тусклым, давило мокрые глаза. Звучал приятный аккорд, она не знала, мажорный или минорный, думать об этом сейчас в любом случае не было сил, но она запомнила его, когда впервые слышала сочинение. Она не помнила его названия, «квинтет» или «квартет», у сына, кажется, было первое, а может второе, а возможно и оба, и может даже в нескольких количествах. И пока звучала мягкая гармония, вспоминала, как учила сына мелодиям на старом пианино, которые кое-как помнила из музыкальной школы. И как сын позднее работал уже над своими мелодиями, неосяземо большими, сложными и непонятными ей. И вспоминала, как впервые звучало это сочинение, вернее, как сын ей рассказывал, ведь она не пришла к нему на концерт. Не по своей вине, так сложились обстоятельства, которые, хотя, сложились так всё же по её вине, а он, наверное, ждал её. Ждал так же, как и ждёт она сейчас. И мягкие гармонии заменились какофонией, ещё давно, но заметила она это только сейчас. И корила себя, и ставила на стол пустую рюмку.

Музыка стала тише, и сквозь неё иногда пробивался треск лампы, но она его почти не слышала за гулом в ушах. Слова в книжке уже давно перемешались и потеряли всякий смысл, если бы сквозняк перевернул страницу, она, видно и не заметила бы, просто продолжала бы слепо и машинально смотреть в печать. Но сквозняка не было, хоть окно и было открыто настежь, воздух стоял, будто в ожидании, и улица была в тишине, лишь только из окна раздавались одинокие, неприятные, но, видно, умные аккорды. И глаза стали слипаться, и пошатыванием она будто убаюкивала себя, и вскоре не звучали ни звон стекла, ни шуршание страниц, а только музыка то набирала живые, динамические обороты, то гасла, меняясь, переливаясь и бесконечно двигаясь вперед. Даже в стоячем ожидании музыка двигалась вперёд, таково было её свойство организации во времени.

Время проходило. Он не спал, тихо работая под лампой в тусклой комнате. Он понял, что не сможет уснуть ещё когда мать поставила пластинку, хотя сделала она это после того как он закрылся и выключил свет, дав, как он надеялся, понять, что собирается спать. Он не хотел показываться ей на глаза, он не хотел пытаться посмотреть ей в лицо, лишь чтобы сразу отвести взгляд, просить её, чтобы она убавила громкость или вовсе выключила музыку, так как невыносимо тошно она ему звучала, особенно в таком контексте. Он не хотел потом идти назад с мерзким ощущением, что оскорбил или опечалил мать, так как прошли

уже времена, когда он пришёл бы назад, услышав, как она плачет, обнял бы и успокоил. Он по-прежнему любил, всегда любил, и будет любить свою мать, но как противна была она ему в таком состоянии, и корил себя за то, что так думает про неё, но не мог относиться к ней иначе. Он давно не подносил рюмку к губам и все смеялись и спрашивались его, так как запомнился он им иначе и навеселе бывал задорным. И каждый раз махал он рукой и говорил что первое придумается, или что у него сами спросят: перепил однажды, или со здоровьем проблемы. Никому не говорил он, что противна ему даже мысль уподобиться пьянству матери, и что страдает он от этого презрения, но по-другому не может никак. И жалел бедную мать и за то, что думал про неё так плохо, и за то, что не может перестать думать, и за то, что мать его не может просто бросить и не наливать рюмку, хотя и сам не верил, что она не может. И более всего корил себя, что ничего с этим не делал, что когда-то лишь ругал её, а она обещала, что исправится и плакала одна на кухне от того, что сын её родной ненавидит её, хотя оба говорили себе, что это не так. И с каждым пустым обещанием заканчивался разговор, он уходил, а мать запивала горе. Со временем он перестал ругать её, но оба всё ещё ощущали давящие чувства: он – презрения, она – тоски.

Музыка кончилась, но в этот раз никто не перевёл иглу назад на начало. Он посмотрел на часы и встал из-за стола. С презренной для себя опаской открыл дверь и вышел в коридор. На кухне спала мать, слегка приоткрыв рот, опустив голову и оперившись спиной на спинку лавки. Под поднятой иглой крутилась пластинка. Он знал, что правильным будет отвести мать в её комнату и уложить в постель, он знал, что должен был так сделать. Но он лишь выключил проигрыватель и свет, чтобы сэкономить электричество. Сначала медленно, останавливаясь и думая, потом в беззвучной спешке, будто длительное нахождение вне комнаты пагубно повлияет на его состояние, пошёл обратно в комнату. Надеялся, что мать скоро проснётся и сама дойдёт до кровати.

В комнату, в отсутствии сына, пришла кошка. Сын собрался спать, но присутствие кошки означало, что она может захотеть выйти посреди ночи. Сын не хотел оставлять дверь в комнату открытой и, подталкивая ногой задние её лапки, выгнал кошку за дверь. Никто не спросил кошку, зачем она заходила, может, ей тоже было одиноко, может, она тоже хотела убраться от пьяной матери. Никто не спросит кошку, грустно ли ей от того, что её грубо вытолкали из комнаты. Кошка привыкла к тому,

что её не спросят. Кошка привыкла принимать происходящее за справедливое.

20 сентября 2023 г.

ВЕЧЕР

Акт первый.

Двор.

Дети. Расскажите, как зовут Валентина Петровича?

Иоанн Креститель. Нет, не расскажу.

Ванька. Если не расскажете, я откушу вам руку!

Катенька. А я ногу!

Иоанн. Всё равно нет.

Участковый. Ну тогда мы заберём у вас пенсию.

Иоанн. Ну ладно.

Занавес.

22 ноября 2023 г.

ТРАДИЦИИ

Удивительнейшая история приключилась со мной. Я украл двадцать три ложки кефира, пока мой кузнец спал у дороги. Он не рассказал никому о случившемся, так как не был в нём осведомлён сам. Это позволило мне скрываться приблизительно восемь ночей с лишним на край капли кефира. Если бы только не вяленый крем, который был у него в кошёлке, я бы так и питался нищими бутербродами.

– Денис, блять, не будь нищим бутербродом!

Ответ последовал не беспрепятственно.

10 декабря 2023 г.

ДЕРЕВНЯ

Мать собирала вещи, немного поспешно, ведь скоро была бы пора ехать, но всё-таки осторожно и как можно тише – рядом спал дядя Юра.

Окно было завешено толстой шторой, и тусклый синий свет почти не проходил сквозь неё. Лишь одинокая вырезка из газеты в рамке осматривала комнату, освещаясь мглой, выходящей из щели с левой части шторы. Вырезкой была знаменитая картина библейского сюжета, но сейчас до неё никому дела не было. Уже редкие сверчки постепенно расходились по своим щелям. Одинокие мыши в доме медленно и бесшумно покидали зал, передвигаясь куда-то вниз. Тараканы прятались назад под тумбочки или куда-то ближе к водостоку.

– Вообще, Марфала Ивановна – вполне хороший человек, и систематичная, и универсальная. А помнишь Георгия? Там ещё был один, который мебели делать умел...

Глянув на дверь из зала, что вела в коридор – я увидел, что за ней приближались размытые через стекло два силуэта, заметные в свете лампы где-то с крыльца. Внезапно дверь открылась, и в зал вошли мужчина средних лет и женщина, на вид тоже немолодая и тощая. Видимо, это были соседи.

– Привет, мебель; привет, Юра, – сказал мужчина. – Сейчас будем тебя ругать.

Я оглядываюсь на мать, но не нахожу её в зале, наверное она как-то успела выйти.

– Калитку он мне поставил, ага, значит. Все шарниры в первую же неделю слетели. И этим ты мне долг выплатил?

– Борода, ну чего ж ты...

– Конечно, соседа можно обобрать. А чем же ты в магазине выплатишь? Или ты думаешь, что у Тамары терпение бесконечное, и она будет сколько угодно на тебя записывать? Ты пропал, Юра, и я не последний кто тебе будет об этом рассказывать. А с самогоном что? Обещал, а где он? И так палёный, так ты его ещё и не отдаёшь. Сахар кончился или просто лень варить стало?

Я отрываюсь от сбора вещей и смотрю на дядю Юру. Он выглядит довольно прискорбно, глаза опущены, по щеке течёт слеза. Мне становится его жаль, и я понимаю, что сосед перегнул палку.

– Ой, что же это, плачет он, ага...

– Так, достали уже, – кричу я, – собаки сутулые, сейчас нож возьму, убирайтесь уже отсюда.

Соседи поспешно выбегают из зала. Мужик где-то пропадает, а женщина прячется в кладовой, за незакрытой дверью. Я нервно подхожу к ней, та, прижавшись к двери затаила дыхание.

– Ну, и что ты прячешься, тебе делать нечего? Проваливай.

Женщина молчит. Эти люди меня прилично разозлили, и я хотел, чтобы они поскорее ушли. Я понимаю, что мужчина побежал в туалет.

– А, так ты, падла, кобеля своего ждёшь?

Женщина всё ещё прячется, но, возможно, кивает. Я нервно оборачиваюсь в сторону туалета и жестикулирую своё раздражение.

– У вас что, туалета нет?

– Туалетной бумаги нет... – отвечает женщина.

– Чтоб тебя... – глупое оправдание женщины меня ещё больше взбесило. – Работа есть?

Женщина в страхе приторможенно кивает.

– Ну так?! Туалетная бумага стоит 10 рублей, максимум. А вам, быдлу поганому, пора бы прекратить тратить всю зарплату на различного вида...

В дом с улицы заходят подоспевшие гости, разные родственники богатого семейного дерева моей прабабушки. Я начинаю услужливо здороваться и пытаюсь выглядеть непринуждённо. Подходит и моя бабушка, начинает всех встречать. Последним в дом заходит дед Костя.

– О-о, Евгения, – скрипучим голосом выводит он, здороваясь с моей бабушкой, переводит взгляд своих узких морщинистых глаз на меня и пытается рассмотреть, – кто там, сын её?

– Внук, внук, – с наигранной улыбкой отвечаю я.

– А, то это тот ленивый внук, что в девять утра всё время просыпался.

22 декабря, 2023

9987

Тревожные времена постигли страну. Долгое время она стоически терпела попытки внутреннего политического реформативного захвата, а потом настала пора открытых военных действий со стороны врага. Пока

обычное гражданство пыталось спокойно жить, обстановка накалялась и в итоге удара избежать удалось не всем.

Измаил Альбертович смотрел в зеркало в мрачной ванной – лампочку давно пора было заменить, но та чудом всё ещё работала. Измаил всматривался в кожу на лице, держа бритву в правой руке. Во время утренних процедур не мешало бы и побриться. Он представил себе приблизительную форму, которую он хотел оставить, поднёс бритву к лицу, прислонил её лезвие и сделал движение. Но, по чистой случайности не попал по бороде и вместо этого полностью сбрил обе брови. Выругавшись, Измаил Альбертович продолжил бриться, пока не оставил лицо полностью голым.

Примерно через полчаса он был уже в униформе и подымался по ступенькам подъезда когда-то довольно приличного жилого дома в когда-то богатом районе. Теперь же здание имело довольно плачевный вид: стены были пробиты, половина здания взорвана, большинство предметов мебели вывезено кем-то – либо жителями, либо мародёрами. Работа Измаила Альбертовича как раз заключалась в этом – очистке всего оставшегося; необходимо было собрать оставшуюся мебель и бытовые вещи, чтобы подготовить здание к довольно длительному периоду реконструкции в далёком будущем. То, что Измаил обязан был собирать, не было оглашено чьей-либо личной собственностью после атаки и государство присвоило данное имущество себе.

Пока Измаил Альбертович подымался на высшие этажи, его можно было увидеть с улицы через пробитые стены. Сам он периодически осматривал улицу сквозь пробоины, а снизу на него в ответ глядели прохожие. С высоких этажей не было слышно, что конкретно обсуждают прохожие, но Измаил Альбертович почему-то внушил себе, что они говорят про его сбритые брови.

На пятом этаже он решил начать с мусоропровода. К нему вела дверь, которая оказалась запертой, хотя начальство обещало минимальную подготовку к очистке, что включало в себя разблокировку всех секторов и комнат. Измаил Альбертович положил чемодан с инструментами на бетонный пол, усыпанный пылью и обломками; приготовился и со всей силы ударил ногой по двери. Хлипкая щеколда слетела без особых усилий и дверь, быстро распахнувшись, ударилась о стену комнаты с мусоропроводом.

К толпе прохожих, наблюдавшей под зданием за действиями Измаила, подошёл Яков с мясокомбината. Сегодня была не его смена, поэтому он разгуливал по улице в нетрезвом виде. Он пробрался поближе к зданию и начал пытаться докричаться до Измаила. Прохожие с презрением смотрели на него, пока тот надрывался неразборчивыми и несвязными звуками. Его хотела остановить охрана правопорядка, но Яков с мясокомбината внезапно преобразился и абсолютно чистой речью с немного еврейским акцентом попросил участковых передать Измаилу телеграмму.

– Живёт здесь кто? – риторически крикнул Измаил Альбертович в никуда. Реплика эхом прокатилась по полуразрушенному подъезду и по глухой комнатке мусоропровода в том числе. За углом стояла непосредственно мусоропроводная труба, но кроме неё не было ни души. Измаил Альбертович почувствовал себя довольно одиноко и не слышал, как с улицы прохожие по очереди кричали в ответ «Я!», наслаждаясь своим остроумием впоследствии. Кто-то тронул Измаила за плечо.

– Вам, – сказал участковый и вручил Измаилу конверт, после чего молча развернулся и исчез за поворотом.

Измаил Альбертович в замешательстве осмотрелся и прислушался – по бетонной лестнице должны были звучать шаги участкового, но была полная тишина, будто тот никогда и не приходил. Это слегка насторожило Измаила. Он осторожно выглянул в пробоину в мясокомбинатной комнатке и посмотрел вниз. Там стояла толпа людей, среди которой выделялся Яков с мусоропровода. Измаил забрал голову назад и перевёл взгляд на конверт. Он также не выделялся особыми приметами и даже не имел марок. С некоторой осторожностью и опаской он начал медленно его расклеивать. Внутри оказалась купюра в 15 украинских гривен. Это малость рассердило Измаила Альбертовича и он, снова высунув голову через дверь, крикнул:

– Спасибо за такую исключительную щедрость! Поистине исключительно!

Засунув голову обратно в мусоропровод, Измаил Альбертович решил больше не медлить с глупыми случайностями и посмотрел на своё расписание. Сегодня в час ему нужно было посетить поликлинику, чтобы получить результат анализов для общего медосмотра. Он вышел из мясокомбината, опять же, потому что сегодня была не его смена, и направился к ступенькам из здания. Когда он вышел, он сел на свой

старый мотоблок и отправился на центральную площадь со сбритыми бровями.

Яков с подъезда когда-то довольно приличного жилого дома уже был сегодня на площади со сбритыми бровями, и ему оставалась только вечерняя работа в очистке конвертов из мусоропроводов участковых за 15 гривен. А про то, что было в поликлинике, он прочитал только после утренних процедур в газете – определённо было какое-то нападение, ведь без него не было бы ни толпы, ни охраны правопорядка, ни загадочных телеграмм.

Что делал я в то время – толком и не припомню. Часы на руке показывали почти пять или шесть вечера, а мне ещё утром нужно было отправить психологу телеграмму. Я быстро зашёл в первое попавшееся телеграфное агентство.

– Встречаемся завтра где-то возле академии? – ответил я и тут же понял, что вопросом было, что именно я хотел бы отправить. Поняв, что я оговорился, я хотел было окликнуть телеграфистку, но та куда-то пропала. Поэтому мне пришлось подойти к другой кассе и просить другую телеграфистку отправить ещё одну телеграмму, но та писала с большим количеством ошибок, и исправлять их пришлось бы очень долго. Кто-то тронул меня за плечо.

– Вам, – сказал Измаил Альбертович с медосмотра глухой комнатки мясокомбината и вручил мне конверт, после чего молча сбрил брови и исчез в пробоине. Сегодня была его смена в телеграфном агентстве, поэтому он попал по бороде с немного еврейским акцентом.

Я поспешно разорвал конверт и обнаружил там ответную телеграмму, что имела довольно плачевный вид: половина телеграммы взорвана, большинство букв терпели попытки политических реформ. В тексте гласило: «ВНИМАНИЕ». Я понял, что психолог была вся во внимании, и поспешил отправить ей ответную телеграмму, где также хотел извиниться и уместить поздравление с днём психологии коммуникативных компетенций. Но когда я повернулся к телеграфистке, вместо неё я увидел лишь тёмный коридор.

Где-то сзади светил дневной свет, но я должен был пройти внутрь, так как дальше по коридору должен был быть кабинет моего психолога – Якова Альбертовича. Прохождение психологического анализа закончило

бы мой медосмотр. Я попытался включить фонарь, но вспомнил, что у меня его не было. Ориентироваться пришлось по тусклым намёкам на свет из подобия окон, чем служили пробоины в стенах полуразрушенной поликлиники. Выйдя в широкий коридор, я увидел Измаила Яковлевича, это был мой телеграфист с мясокомбината, но поскольку сегодня была не его смена, он работал психологом и приехал на работу на старом мотоблоке. Его обезображенное лицо медленно повернулось в мою сторону, а опухшее тело начало делать медленные и очень тяжёлые движения, приближая Измаилова Альберта Яковлевича ко мне. Я в ужасе забежал в какой-то узкий тёмный коридор без мусоропровода, где, наконец, нашёл в старой телеграмме фонарь. Включив его, я обнаружил, что я в тупике. Сзади надвигался Измаилович с жуткими низкими стонами. Я порядочно пугаюсь и впадаю в состояние крайней тревожности. С улицы слышны возгласы самодовольных остроумных участковых – «СКВЕРНАЯ КОМПОЗИЦИЯ», как в телеграмме, только наяву. Я начинаю быстро моргать и вижу перед собой в такой последовательности: тёмный коридор; купюру в 15 гривен; наручные часы и стену. Осмотревшись, я решил, что лучше мне пройти дальше по коридору, иначе прохожие будут смеяться над моими сбритыми бровями.

18 января 2024 г.

ОЖИДАНИЕ

Впрочем, ведь вы с нашими обстоятельствами совсем незнакомы.

Кафка

Старые антикварные часы угрюмо отбивали своё на верхней полке. В такт с секундной стрелкой водил в воздухе носком Виталий Борисович. По его задумчиво-сосредоточенному лицу и нервному перебиранию пальцами можно было догадаться, что он чего-то ожидает. Что конкретно – на тот момент даже сам Виталий Борисович не сказал бы. Нестерпимое ожидание определённо должно было когда-то закончиться и привести к чему-то. К чему-то, чего Виталий Борисович не знал.

Позади часов на полке, на Виталия Борисовича также смотрела дюжина книг: «Словарь иностранных слов», «Собрание сочинений украинских классиков», «Уильям Шекспир»... Он прочитывал их названия по несколько раз, даже толком и не понимая, что означали эти надписи и про что там было написано. Сейчас это волновало бы Виталия Борисовича в последнюю очередь. Приоткрыв рот, он ждал, когда же за стеной раздастся стук, или, возможно, не стук, а какой-то другой знак. В

любом случае, это должно произойти всего через несколько минут. Выкатив глаза, Виталий Борисович напряжённо следил за секундной стрелкой.

Часы показывали без четверти восемь. Совсем скоро наступил бы восьмой час, но Виталий Борисович почему-то думал, что у времени не найдётся ноги и эти пятнадцать минут превратятся в десять... нет, даже семь минут, предзнаменовавших прибытие. Прибытие кого? Чего? Определённо, конца ожидания. Но конца почему? Конец наступит со звуком... с чем еще, к чёрту, может произойти что-нибудь другое? Какое другое? Виталий Борисович запутался.

Часы тикали медленно, будто они действительно были только в сознании Виталия Борисовича. Пошевелившись, в отчаянной надежде он попытался отогнать мелькнувшую мысль. После двадцати секунд монотонного тиканья он хотел подскочить на месте и задёргать головой, но, в последний момент решил не делать этого. Часы могли, конечно, и замедлить ход, если он дёргался слишком сильно, но что давало ему гарантию, что ему необходимо медлить? Если часы останавливались вообще, то это значило только одно: они остановлены. Виталий Борисович сменил позу сидения, опустил глаза и стал рассматривать ботинок.

У ботинка не было видно ни одного шва, ни одной дырочки - казалось, ему и на ногу-то сесть негде. На ободке подошвы не было грязи, но местами красовалась сухая пыль. Виталий Борисович потёр одним ободом об другой, в надежде немного почистить их. Ботинок он снять не решался. Провёл рукой по лицу, машинально смахнув на пол старую накладную, найденную на столе. Скосил глаза на часы, каждую секунду ожидая, вдруг придёт понимание, хотя до этого момента понимание ожидалось неоднократно, но так и не приходило.

Однако когда по ощущениям прошло полчаса, чувство падения стало совсем невыносимым, и он решился посмотреть на циферблат. Тот показывал без двух минут восемь... Нет, стоп! Он опять забыл. Так можно сидеть и всю жизнь. Виталий Борисович осторожно перевёл взгляд на дверь. Ничего не изменилось, в кабинете всё также сквозь тишину тикали часы, даже потолочные лампы не гудели. Виталий Борисович задумчиво всматривался в тёмное лакированное дерево, а дальше перевёл взгляд на серебристую ручку. Мысли подавляющей кучей формировались у него в голове и почти имели вид навязчивых идей. Без двух восемь ничего не изменится, сказал он себе. И тогда ничего – тогда всё.

Виталий Борисович наклонился вперёд и с медленной осторожностью встал с кресла. Немного размявшись, с осторожной медленностью он проследовал к двери. Подкрадываясь, чтобы не издать ни малейшего шума, не понятно зачем, он прислонился ухом к двери. Это никак не помогло, и Виталий Борисович мог слышать только своё сердцебиение. Тогда он отслонился от двери, будто формально оглянулся, замешкался и, всё же, приоткрыл дверь. Сначала очень аккуратно, будто за дверью действительно кто-то сейчас стоял, но, убедившись в том, что там нет абсолютно никого, Виталий Борисович выглянул в коридор.

Коридор освещали тусклые жёлтые лампы, совсем не такие, как в кабинете у Виталия Борисовича. Вокруг было пусто и, в этот раз, тишину заполнял далёкий гул ламп ещё более старого образца. Слева, огибая стальные трубы в потолок, показывалось лестничное окно. Оно было закрыто решёткой, за которой была темнота. Справа тянулся ряд шкафчиков с дверками. За ними, через небольшой просвет можно рассмотреть верхнюю часть дубовой лестницы, которая вела куда-то вниз, вниз и вниз. Виталию Борисовичу не хотелось долго находиться одной головой в коридоре, следовательно, возник выбор – выйти из кабинета, или остаться в нём. Выходить смысла не было, поэтому Виталий Борисович решил остаться, убрал голову и закрыл дверь.

Виталий Борисович вновь оказался в своем кабинете, его взгляд уже не устремлен в тусклые глубины коридора. Старые часы продолжали свой монотонный ход, будто подчеркивая незамысловатость этого места. Виталий Борисович, стоя посередине комнаты, как будто находился в тупике, из которого не существовало выхода.

«Что было?» – подумал он, пристально глядя на свои книги и антикварные часы. Было ли что-то вообще? В комнате царила странная атмосфера, словно время здесь имело свои собственные законы. Виталий Борисович решительно подошел к полке и взял в руки старую книгу с загадочным названием «Словарь иностранных слов». Он машинально открыл ее, и, казалось бы, должен был бы погрузиться в мир слов и их значений, словно надеясь найти ответ на свои вопросы среди тесно уложенных страниц. Но чем больше он читал, тем сильнее понимал, что эти слова не несут в себе никакого смысла. Сложно сказать, читал ли Виталий Борисович вообще или, опять же, просто машинально водил глазами. Словарь казался ему бессмысленным переплетением букв, лишенным какого-либо логического порядка. Виталий Борисович закрыл книгу, с разочарованием положил её назад на полку и вновь посмотрел на часы.

Тикающий звук стрелок будто затухал в бесконечной пустоте, создавая ощущение того, что время здесь не существует в привычном понимании. Стрелки показывали уже восемь. Виталий Борисович снова ощутил тот странный внутренний трепет, словно его судьба была неразрывно связана с этим кабинетом. Он вновь поднял взгляд на дверь, но что-то в ней его удерживало. Он чувствовал, что ответы, которые он ждал, могли быть именно здесь, в этой комнате. Виталий Борисович снова взялся за ручку двери, но внезапно вспомнил о накладной, которая всё ещё лежала на полу. Он посмотрел на неё с некоторой растерянностью, словно в этом предмете была заключена тайна, которую он не мог понять. Но, приняв решение не терять времени, он шагнул от двери назад к креслу, отпустив ее ручку, сел, откинувшись на спинку и мир снова будто замер вокруг Виталия Борисовича.

А за окном, приблизительно за километр от Виталия Борисовича, Галина Семёновна, добираясь сквозь темноту домой, споткнулась о бордюр и упала, слегка разодрав кожу на ладонях. Тихонько воскликнув, она поднялась, зашла в подъезд и первым делом после того как сняла сапоги в квартире, поставила чайник. Пока тот грелся, она думала о том, как упала и чувствовала некую досаду. Но чайник закипел и, пока Галина Семёновна искала лимон в холодильнике, она напрочь забыла про происшествие. На столе стояли две чашки, и через три минуты раздался стук в дверь.

2 февраля 2024 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Кив проснулся под звук из интеркома. Сегодня была смена работников его крыла и металлический, монотонный голос по очереди вызывал тех, кто в нём располагался, в офисный отсек С2. Смены достаточно удобно разбивали по крылам, но вызывать приходилось не всех, т.к. в одном крыле могли находиться люди разных назначений и профессий. Сейчас, приблизительно в 8 утра по Земному времени, подымали компьютерщиков, в обязанности которых входила подготовка систем к работе остального персонала и дальнейший мониторинг оборудования в последствиях его эксплуатации в классифицированных процедурах. После шума и возни на линии наступила тишина. Кив лениво поднялся и одел форму. Комната была по-прежнему такой же тесной, но в ней имелось всё необходимое – весьма твёрдая кровать, туалет с умывальником и полки для некоторой разрешённой порядком

собственности. Кив не стал медлить – он хорошо знал, что при возникновении недоразумений перед начальством на первом месте должна стоять высшая целесообразность. Кив никогда не пересекался с начальством, если подумать, он абсолютно не знал на кого работает. По иерархии персонала, выше рабочих была охрана, а далее Кив имел возможность косвенно контактировать только с секторными операторами, или делопроизводителями. Контакт был односторонний – операторы пересылали Киву всяческие технические запросы от другого персонала в различных секторах. Процесс мог быть и наполовину автоматизирован – выбирались менее загруженные компьютерщики из офиса и им отправлялись запросы, чтобы равномерно распределять нагрузку. В любом случае, Кив не знал личностей ни операторов, ни другого персонала, кроме своего крыла.

Кив шёл к пропускному посту, который, вместе с крылом, находился в огромном пещерном ангаре. Вокруг было мрачно, но света хватало, чтобы рассмотреть лица коллег и охраны. Когда Кив подошёл к пропускному посту, он увидел, что на часах было без пяти восемь. У пропуска собирались сонные рабочие и формировали покомандную очередь на служебные коридоры вдоль рельс транзитной системы. Вооружённая охрана стояла на подходе и, время от времени, когда формировалась команда из близко двадцати человек, начинала проверку идентификационных бейджиков и пускала их по коридору с охранником во главе. Это были обычные процедуры.

Кив увидел своего напарника справа. Молодой человек, по имени Андрер, был в грязной, такой же серой робе с синей надписью «DDQL Intrepid». Кив не находил общего языка с коллегами, точнее найти он его мог, это было не сложно, но ему не доставляло никакого удовольствия общение с ними. Возможно, атмосфера так влияла на людей, но практически все, с кем имел возможность контактировать Кив, в общении вели себя, по его меркам, достаточно странно и Кив боялся, что подобное случится и с ним через определённое количество времени. Хотя, если подумать, бояться было нечего и не перед кем. Кив был из последнего прибывшего персонала, условно говоря, нового, но уже имел здесь стаж в несколько месяцев. Андрер прибыл вместе с ним, но Кив не был с ним предварительно знаком, он вообще предварительно никого не знал на станции.

– Мне снилось много всего, – сказал Андрер, заметив Кива, – ничего, правда, не помню.

– Я давно не видел снов.

– Сегодня на кухне вроде будут пончики, я слышал, – встрял в разговор стоящий рядом Пауль. Он был слегка полноват, тоже работал компьютерщиком, но приехал в более ранней партии сотрудников.

– Надеюсь, туалет убрали, – сказал Андрес.

– Интересно, сколько платят поварам, – будто задумался Пауль.

– Еду завозят в полуфабрикатном виде или уже готовую к употреблению, – пояснил Кив.

– Я думал, я сегодня просплю, всю ночь ворочался, – сказал Пауль.

Кив решил просто молча стоять в очереди и проверил карман рубашки на наличие бейджика. Они выдавались в пластиковых чехлах, таких, которые невозможно было удобно нацепить на рубашку. Впрочем, Киву это было не столь важно – вся работа поступала на компьютер, а обращаться к сотрудникам по имени не было нужды.

Станция, где работал Кив, наверное, была достаточно большой, по крайней мере, так предполагал Кив по огромному количеству отсеков и секторов, которые видел в документах и на которые назначали его. О значительных размерах станции также свидетельствовало само существование транзитной системы между секторами. Кив лично видел и бывал лишь в своём спальном крыле и в офисном отсеке С2, включая также путь, по которому нужно было пешком добираться до него от крыла. Офисный отсек был несколько изолирован от общей служебной структуры станции, которая была для передвижения персонала и соединения отсеков. Коридоры служебной структуры и платформы в том числе, были построены из определённого металла. Некоторые части успели заржаветь, конструкция имела индустриальный вид, с балочными креплениями и решётчатыми мостиками в качестве пола – за границами коридоров иногда открывался, насколько он мог, вид на огромную тёмную пещеру. Стены пещеры в основном могли осветлять лампы из, будто "подвешенных" над землёй, коридоров, но свет редко доходил до них. В некоторых местах, как например, в его спальном крыле, никаких коридоров над землёй не было, и сотрудники ходили по выровненной поверхности пещеры – в таких местах у стен пещер стояли мощные прожекторные лампы.

Большая часть станции была для Кива загадкой, чем-то, что он мог познать только косвенно. Периметр спального крыла был ограничен и охраняем, а проходя по служебным коридорам от платформы до офиса необходимо было придерживаться строгой дисциплины. Команда персонала обязана была идти стабильно за охранником, не

разговаривать, не разделяться, а в случае оглашения тревоги спрятаться и не двигаться.

Очередь постепенно продвигалась и уже сформировалась команда с Кивом в том числе. Перед толпой вышел охранник, монотонно объявил правила поведения в коридорах, и группа отправилась в путь. Все знали правила поведения наизусть, но в служебные обязанности охранника входило каждый раз оглашать эти правила до передвижения рабочих по служебной части. В случае невыполнения правил, охранник был обязан задержать нарушителя и доложить начальству. Киву никогда не встречались подобные случаи, поэтому он не знал, что происходит с нарушителями в дальнейшем (и были ли такие вообще). Кив, также, не был бы настолько глуп, чтобы самому нарушать правила. Хотя он и питал большой интерес к остальным частям станции, этот интерес не превышал по значимости ни служебные обязанности, ни безопасность, как и свою, так и его коллег.

Путь был не такой долгий – хоть и офисный отсек был изолирован достаточным расстоянием и различными шлюзами, он всё ещё находился в адекватной пешей дистанции от крыла. Прошло несколько минут, и группа доходила до части коридоров, которая больше всего нравилась Киву – путь разделялся развилкой. Группа всегда шла налево, а что было справа – Кив никогда не знал. Коридоры уходили куда-то вдаль и скрывались за стенами пещеры. Один раз, возвращаясь с группой назад, Кив мельком застал вдали коридора какого-то человека в светло-синей форме, окружённого охранниками. Те, по всей видимости, говорили о чём-то, но Кив не мог услышать их речь, так как был слишком далеко. В контексте до надоедания выученных наизусть мест, где был Кив, этот коридор, вместе с транзитной системой оставались для него неразгаданными, но он не стал бы делать необдуманные решения и пытаться пробраться туда. Неподалёку показалась платформа транзитной системы – там также стоял пропускной пункт и формировалась небольшая очередь. Охрана так же проверяла идентификацию и пропускала на прибывшие кабинки. Впоследствии, те отправлялись по рельсам далее – тогда и охранникам, и рабочим приходилось нервно, но всё ещё сонно ждать следующие. В длинном видимом ряду кабинок их было где-то с десятков – Кив насчитал до девяти, но наполненные уезжали за угол, а с другой стороны подспевали новые, регулируя скорость, в зависимости от присутствия на платформе кабинки, ожидающей персонал.

Офисный отсек также не находился прямо на пещерном полу, вместо этого возвышался где-то на десяток метров над ним. За шлюзом виднелось светлое помещение с окнами и различным скучным оборудованием. Кив, когда наступила его очередь, прошёл стандартную процедуру дезинфекции в шлюзе и прошёл внутрь. Найдя своё место среди уймы рабочих столов, Кив присел в неудобную позу, вроде как ненадолго. Он включил компьютер и открыл документацию системы на нужной ему странице. Компьютер запускался несколько секунд и когда появился интерфейс, Кив ввёл необходимые команды для локальной регистрации своей личности и пребывания на посту, а также команду для запуска интерфейса рабочей сети. Несколько секунд компьютер подключался, в итоге, Кив ввёл свои данные и вошёл в учётную запись. Он посмотрел на входящие запросы – тех пока ещё не было, часы показывали без четверти девять. Этого Кив и ожидал, воспользовавшись свободным временем до первого запроса, он пошёл на офисную кухню, что была в конце комнаты самого офиса.

На кухне, как и предвидел Пауль, действительно были пончики. Там уже собрались такие же пока свободные, как и Кив, и что-то обсуждали, попивая кофе. Кив тоже решил налить себе чашку и взял один пончик из коробки. Он был с розовой глазурью и разноцветной посыпкой. Пока Кив рассматривал посыпку, он успел уловить, что коллеги говорили в какой-то мере про спецификации новой системы отправки пакетов на главные сервера. Хотя, он так подумал лишь сначала, потом коллеги заговорили о высокоуровневых библиотеках, потом просто о языках программирования, а потом тема сместилась на виды и сорта кофе. Манера разговоров на станции была одной и одинаковой: каждые несколько секунд менялась тема, кто-то приходил, вставлял какую-то фразу и просто высказывал, что у него на уме. Это было похоже на какую-то странную или даже болезненную игру. Поскольку Кив был рядом с группой людей, что вела "беседу", он подумал, что тоже должен поучаствовать, ради сохранения хорошего имиджа перед коллегами.

– Мне кажется, что в нашей среде, тенденции к высокоуровневым подходам приведут к дестабилизации структуры работы с программированием, – начал он. – Упрощённые языки и обобщённые библиотеки вносят в эту среду ненужные абстракции, которые понижают осведомленность в полном алгоритме, а в частом и широком употреблении могут и вовсе снизить производительность на нет.

– А я думаю, что серверу лучше принимать пакеты без взаимного рукопожатия, система всё равно последовательная, – сказал худощавый

парень с мешками под глазами, который опирался на стол с чашкой кофе в руках. Это был Вэйн, из последнего поступления рабочих. Кив удивился, что ему удалось хоть в какой-то мере вернуть тему разговора к программированию.

– Ещё и девяти нету, вот вам и безобразия, – подошёл Эдван, седой мужчина средних лет, слегка полноват. Кив слышал про него, что тот имел стаж в несколько лет.

– Кактусы надо не забыть полить, – сказал Фил, по кличке Филли, низкий прыщавый паренёк, с русыми волосами и козлиной бородкой. Он работал на компьютере Кива до того, как тот прибыл и был инженером в области, которую Кив никак не мог распознать.

– С абстрагированием алгоритма уже случались несчастные случаи, – неуверенно повторил попытку Кив, – вспомните, как из сектора A12 с утра шли запросы на разблокировку дверей, которые я получил только в обед из-за целочисленного переполнения в значении временной метки на клиенте сектора...

– В сексе время не играет роли, особенно когда им злоупотребляют, – угрюмо отозвался Эдван. Он всегда думал о сексе.

Кив понял, что ситуация безнадежна и просто старался играть в эту бессмысленную игру. Он не знал, насколько разумными или самосознающими были его коллеги, хотя сложную для ума работу выполняли, на сколько он знал, успешно. Кив достаточно равнодушно относился к этому. Он не знал, как стоит воспринимать это, с какой стороны было бы лучше – со стороны полностью ироничной, или же со стороны абсолютно серьезной. Такие разговоры можно было трактовать, как попытки выжить и сберечь остатки рассудка. А может персонал просто был настолько простодушным и делился друг с другом своими мыслями, чуть ли не как дети. Или это было стремление путём открытости потока сознания соединить каждого в один поток, одно целое, во благо станции. Со временем, бесцельные разговоры утомили Кива и он, допив последний глоток кофе, помыл чашку и направился в туалет.

Туалетная комнатка была недалеко от кухни, но представляла собой отдельную комнату, в отличие от кухни, которая "вытекала" из самого офиса. Кив прошёл мимо коллег, которые говорили возле умывальника, и зашёл в свободную кабинку. Из кабинки слева периодически раздавался голос, который также участвовал в разговоре. Кив молча

сделал нужное дело, вышел и помыл руки. Сотрудникам было всё равно, что он уже не обращал на них внимания.

Выходя из туалета, Кив заметил какое-то скопление людей у окна в ангар. Хотя слово «люди», казалось бы, уже было лишено для него всякого смысла, он не мог не понять, что эти люди внимательно смотрят в окно. Удивлённый, Кив автоматически шагнул в их сторону и подошёл ближе. Вид из окна открывался на платформу транзитной системы. Пару секунд Кив осматривал ангар, не понимая, что могло стать причиной такого ажиотажа, как вдруг обнаружил, что на платформе никого не было, кроме двоих детей. Непонятно, куда скрылись охрана с рабочими, кабинок тоже не было. Дети были маленькие: девочка, лет пяти и мальчик, возможно, её брат, где-то три года. Оба были одеты в похожего, или идентичного цвета, как когда-то видел Кив, униформу – светло синяя одежда, но на детях она выглядела, будто пижама. Дети имели азиатскую внешность, возможно, монгольскую, их кожа выглядела как-то странно. Кив пригляделся и понял, что она шелушилась и была какой-то пошарпанной, словно дети были больны какой-то непонятной дерматологической болезнью. Шлюз на платформу был закрыт, мальчик сидел на ней и выглядел напуганным, пока девочка, по-видимому, непринуждённо, бродила.

Это было что-то совсем необычное, из ряда вон выходящее, Кив был в этом уверен. Куда делась охрана? Вряд ли дети сумели просто так сбежать, даже если бы захотели, должно было произойти что-то ужасное, какое-то критическое нарушение. Да и куда они могли бежать? Чем они собираются выжить? Произошедшее ломало логику, и Кив даже не спрашивал себя, откуда на станции дети, как они сюда попали и дети ли это вообще на самом деле.

Огласили тревогу, как долго ожидали её все, по интеркому раздалась сирена. Коллеги дисциплинированно сгруппировались и по правилам пошли к шлюзу в служебные коридоры. Хоть все и старались действовать организованно, от волнения и страха некоторые открыто вели себя рассеянно и тревожно. Правила знали все, но как Кив понял по реакции сотрудников, о крупном стаже которых знал, такое случилось впервые, хотя бы впервые за очень долгое время. У шлюза в коридор появилась охрана, и начала поспешно повторять правила. Персонал должен был, во что бы то ни стало, избегать прямого контакта детей или близкого нахождения к ним и ждать в крыле, пока детей нейтрализуют. Охрана несколько раз нервно повторила о необходимости сохранять спокойствие, и персонал вместе с одним охранником по протоколу

двинулся в коридор. Кив оглядывался на детей, через пока открытые стены. Дети стояли на платформе, которая шла параллельно коридору, но находилась фактически на земле, огражденная металлическими поручнями. Кив был не единственным, кто, пока мог, пристально следил за ними, хотя охрана и пыталась запретить это ради правил безопасности.

Стены стали сплошными на подходе к развилке. Группа собиралась повернуть, но внезапно выключили свет. Кто-то вскрикнул, большая часть группы ограничилась беспокойным вздохом. Сначала светились красные аварийные лампы, но через несколько секунд погасли и они. Никто не знал, плановое ли было отключение или случилась авария, но обе перспективы были тревожными: если свет отключился из-за аварии, значит, какое-то нарушение вызвало повреждение энергосистем. Это означало отключение транзитной системы, как минимум до того времени, пока не смогут включить вторичное питание. Кив надеялся на эту перспективу и на то, что вторичное питание на станции всё-таки есть, но его волновали и дети, и то, что могло быть причиной аварии. Если электроэнергию, всё-таки, выключили нарочно, это значило, либо отключение по всей станции (Кив подумал про какую-то техническую плановую причину, но и дети, и оглашённая тревога отбили эту мысль), либо отключение в их секторе, что означало присутствие непосредственной опасности. Последняя мысль нагнетала обстановку и впервые в истории своей работы на станции, Кив чувствовал неподдельный страх.

Группа села и прижалась к стене. Кто как мог, старался соблюдать полную тишину. В этой тишине можно было расслышать металлический грохот где-то недалеко. Кто-то включил тусклый фонарь. Никто не знал, почему они прячутся и от кого, но все чётко понимали, что должны это делать, если хотят выжить. Кто-то пытался шёпотом заговорить с другими, чтобы хоть как-то разрядить создавшуюся атмосферу, но эти попытки прервало нарастание, будто приближение, периодического грохота и все затаили дыхание. Что-то определённо приближалось. Тишину, которую создал персонал, перебил одинокий тихий звук радиокоммуникационной системы охранника. Кто-то был на линии и передал ему сообщение, охранник услышал его через гарнитуру. Все рабочие уставились на охранника, в ожидании объяснения, пока грохот продолжал нарастать. Кто-то шёпотом спрашивал, что случилось, в чём проблема, кто-то просто испуганно смотрел охраннику в лицо или кивал на него головой.

– Этот грохот... Кто-то идёт сюда? Кто это? – звучало в итоге.

Охранник взволнованно смотрел куда-то вниз, в тёмную пустоту, глаза бегали от одной точки в другую.

– Это кто-то сверху? Сюда идёт начальство?

Охранник тревожно вздохнул и, в свете тусклого фонаря можно было заметить, как он прикрыл глаза и кивнул. В реакцию на это, кто-то издал победный смешок, кто-то с небольшим облегчением вздохнул. Но грубый металлический грохот напомнил о себе и продолжал приближаться. Все вновь замолчали и прижались к стене, фонарь выключили, и крошечная тьма поглотила коридор. Кив не видел ни зги, хоть и пытался, как мог, вглядываться во мрак. Грохот звучал с периодичностью, звуки были такие, словно кто-то или что-то гнёт металлическую структуру служебных коридоров, металл глубоко и массивно скрипел, будто по нему двигалось нечто огромное и тяжёлое. Кив понял, что охрана тоже никогда не встречалась с начальством и, вспомнив реакцию охранника на непонятное сообщение по радиосвязи, его пробрала дрожь. Что означало то, что сюда прибудет начальство? Могло ли это вообще быть хорошей новостью? Грохот приблизился и стал достаточно громким, как вдруг прекратился, на этот раз на достаточно долгий промежуток времени. Несколько секунд группа сидела в полнейшей тишине, Кив слышал только дрожащее дыхание коллеги, который закрыл рот рукой.

Вдруг кто-то снова включил тусклый фонарь. Не было видно, кто именно его держал, но и каким-либо образом отреагировать на это никто не решался. Луч света дрожал и, метаясь по коридору, падал то на металлические брусья, то на указательные знаки на развилке. Наконец, луч упал на того, кто был причиной металлического грохота. Свет упал на того, на кого работал персонал.

Это был гигантских размеров бурый кролик, который впирался в потолок, дальше по коридору был ещё один, только белый. Кив разочаровался.

6 апреля 2024 г.

СКАЧОК НА 8

Акт первый.

Сцена первая

В доме у тётушки Насти.

Shnakespeare. Снимайте порнографию!

Валик. Колбасу продавайте!

Shankespeare. Нет, я же говорю, порнографию!

Валик. А я говорю колбасу.

Shnaklespear. А как это так – снимать колбасу?

Валик. А разве я Вам не показ?

Shnakespear. Нет. А что, сильно Вас это затруднит?

Валик. Да нет просто. Висела колбаска – а я её снял. И вы так же давайте.

Shankepeser. Да нет же. Я ведь за порнографию.

Ввалик. Но веть и да не нет.

Shankespeare. Надетесь.

Колхоз. Ну вот приехали.

Валик. А вы ещё за что?

Колхоз. Я за изнасилование. А вы по чём сидите?

Shankespeare. По рубль сорок. Ровно столько стоит в порномате моя любимая.

Валик. Сочувствую вашей личной жизни.

Колхоз. А где она? Почему бумаг нет на неё?

Алексей
Николаевич
Бумаг. А я уж давно на ней.

Shankeprese. Пиздец.

Уходят.

Сцена вторая.

Миколай пришёл к Олегу.

Смирнов. Ну?

Альбрехт. Да-да, конечно.

Смирнов. Курить-то будете?

Альбрехт. А вы предлагаете?

Смирнов. Нет.

Альбрехт. Тогда я тоже.

Смирнов. Но вы обязаны!

Альбрехт. Курить?

Колхоз. Платить налоги. А теперь марш на работу.
(*Уходит*)

Смирнов. И он был здесь всё это время?

Альбрехт. Ну-ну. Я-то думал, почему духовка так неплотно закрыта. (*Погибает*)

Смирнов. Ну что ж. (*Уходит*)

Сцена третья.

Жесткая встреча Петра I с Людмилой Михайловной.

Пётр I. Вы, случайно, не заяц?

Людмила Михайловна. Я заяц, но не случайно.

Пётр I. Ваше имя не помещается перед Вашей репликой. Приходится переносить его на новую строку.

Людмила Михайловна. Ишь чего говорит. Самого-то реплика на строку не поместилась, а он паясничает. (*Уходит*)

Пётр I. Что ж, легче стало мне сегодня,
Но болен миг моих желаний.
Над головой овладевают
Благих намерений попытки
Мне избежать предсмертной пытки

И не попасть за тьмы врата
Я не хотел бранить, простите
Назад скорее приходите.

Приходит Таборицкий.

Таборицкий. Чего же грусть глаза постигла
Нашего гордого царя

Пётр I. Слушай, иди ка ты нахуй, ты вообще не отсюда.

Таборицкий садится за кресло и включает телевизор.

Телевизор. Прикиньте,

Заходит Заяц.

Заяц. Хрю.

Пётр I. Хоть я прикинул, но увы неправы
Вы с вашими усилиями вновь.
В моё рагу подсыпьте же приправы
И вдруг вокруг покажется Смирнов.
Альбрехт найдёт секунду положенья
И разцветёт убогих самовар,
Где было во веки убито вождельенье
И так, ну, в общем, до свиданья. *(Уходит)*

Таборицкий. Кто там? Проходите присаживайтесь.

Заяц. У меня-то и ног нет.

Таборицкий. А зачем их нет?

Заяц. Ну я же Заяц.

Таборицкий. Точно! Вспомнил. Ну так и что, как там нет-то?

Заяц. Весит.

Баротикци. Блестит? Вы приятнее говорите, ухо не ловит.

Заяц. Да ну вас. Пойду к доктору. *(Уходит)*

Таборикиц. Остался я один. Печаль моя
Не достигала б

Сцена четвёртая.

Где Людмила Михайловна наконец отомстит Альбрехту.

Смирнов. А я-то тут при чём?

Людмила Михайловна. При административной ответственности.

Альбрехт. А, я вспомнил, у Вас же тмя на одну строку не помещается. Проваливайте.

Людмила Михайловна. А я Вам сейчас устрою. *(Снимает маску)*

Валик. Не может быть.

Людмила Михайловна
(Заяц
Колхозный).

Альбрехт. Фу, как противно. *(Падает на пол)*

Смирнов. Вы чего?

Альбрехт. Споткнулся.

Людмила Михайловна
(Заяц
Колхозный).

Альбрехт. Как я рад как я рад.

Валик. Вы Альбрехт. Не надо нам тут больше таких случаев.

Альбрехт. Нет, я умер.

Все вокруг смеются!

Смирнов. Ну что ж.

Ж. Да ничего.

Заходит Shankerpesre.

Анвар
Шарапов. Гайхалтай кизик.

Смирнов. Да закройте, блять, эту духовку.

Целое Не'к! Мыз вам пирог.

население
Узбекистана.

Sha[pkəspear. М-м-м, пирог, прелестно. Режьте.

¼ населения За што вы так.
Узбекистана.

¾ населения Так вы за што.
Узбекистана.

Колхоз. Потерпят.

Смирнов. Вы вернулись! А где заяц?

Алексей Подо мной.
Николаевич
Бумаг.

Уходят. Остаётся Таборицкий.

Таборицкий. Ах,

Возвращается Заяц и стреляет в Таборицкого из ржбя. Тот падает на пол замертво. Из гроба стучится Альбрехт.

Альбрехт. Ну вот она, новая жизнь.

Людмила Я готово простить Вас. Поедьмьте, я сделаю Вам
Михайловна рому.
(Заяц
Колхозный).

Уходят.

Акт третий.

Где

Смирнов. Действительно. Куда все делись?
На одном месте извертелись?
Иль тут виною скипидар?..
Быть может, стал я слишком стар
И вдруг дождался каждой смерти?
Друзей позабিরали черти,

Враги возвысились в Айотор...

Альбрехт.

Ему неважно. Нужен доктор.
Он бредит, дамы-господа.
Его кусала щеколда.

Входит доктор.

Доктор.

Его действительно укусила щеколда, пока вы были заняты чтением представленной выше галиматьей.

Судьба.

Ах, как интересно, как интересно!

Альбрехт.

Ну вот видите, к чему привели.

Доктор.

Не врете мне, чему само пришло.
У гражданина ухо потекло.

Смирнов.

Что же Вы будете делать?

Доктор.

Несите мне скорее ваты,
Освободите две палаты.
Положим вас скорее в койку,
Об остальном не беспокойтесь.
Вам приложу компресс, готовьтесь,

Смирнов.

Вы под присмотром остаётесь.

Доктор.

Да будет так. Но не мешайте
Мне делать дела моего.
Вы лучше скальпель мне подайте
И водки чуть недорогой.

Смирнов.

Будете пить?

Доктор.

Да. А вы думали растирать?

Смирнов.

Я не думал. Ладно.

Доктор.

Тогда я ставлю вам диагноз. У вас атрофировались мозги. Вы ведь даже не поинтересовались, зачем мне скальпель, хоть я обещал простой компресс.

Смирнов.

Ну и не поинтересуюсь. *(Уходит)*

Доктор.

Пойду налью всё же. *(Уходит)*

Альбрехт.

Подождите, поему же это я опять болен? Куда катится наша система образования... *(Уходит)*

Возвращается Доктор.

Доктор. Дорогие кумовья,
Я добротнее питья
Сроду в жизни не встречал.
Жаль, конечно, промолчал –
Надо было мне спросить,
Где ещё такой налить.

В комнату вбегает Альбрехт с судовой комиссией.

Альбрехт. Вот он! Это он обманул меня!

**Судовая
комиссия.** Здрасте здрасте,
В чём раздор?
Говорит
Генпрокурор.
Подымитесь
Или сядьте,
Но мы вас
Скорей посадим.

Доктор. Ах ты!

**Судовая
комиссия.** Кнуты
Скорее в бой.

Подоспевает Смирнов.

Смирнов. Значит так! (*Хлопает, пытаясь обнаружить тишину*) Слушайте все! Всё началось с меня. Это я виноват. Простите меня пожалуйста.

Медленно, слегка кивая головой, улыбаясь во всё ебало, будто немного пританцовывая, частично кусая губы и ожидая групповой реакции, заходит Shakespeare.

Доктор. Ооо бляя

**Судовая
комиссия.** Тут мы бессильны, ваше право,
По большей части не просите.
Чтоб избежать дальнейших штрафов
Вы прокурору

Смирнов уводит судовую комиссию.

Смирнов. Так-так, ребятаки, что-то вы тут больно сильно задержались.

Альбрехт.

Уже пора?

Доктор.

Естественствнкено.

Все.

Воспоём же дружно разом
Все добротные деянья.
Не караемы указом
Добродушья очертанья.
А нам хватит мягчезначить,
Лучше бы найти работу,
На бумагах напортачить
И собрать к стеклозаводу.

Судьба.

Как глупо всё же.

1 июля 2024 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВ	2
РЫСЬ	5
ЧАЙКА	5
ВЕБУБЫЧКО	5
КАБАДУК	6
ЛАМПА	9
ЛОШАДЬ	11
ДЕЛА	12
ИНЦИДЕНТ	12
ХУДОЖНИК	14
ТУБЫЛО	14
ВЕДЬМА	15
4296	17
П6	19
ПОГРЕШНОСТЬ	20
КРЫСЫ	21
ПРОЩЕНИЕ	22
ФАУСТ	28
ДЯДЯ МИТЯ	31
ДЕНИС	33
NaOH	34
МИКИТКО	34
ГЕРОИ	37
ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	41
ОБЩЕСТВО	43
ХУЕНБЕРГОНДЕЛ	43

КОНСЕРВАТИЗМ	44
БАЙКА	45
МАТЬ	46
ВЕЧЕР	49
ТРАДИЦИИ.....	49
ДЕРЕВНЯ	49
9987.....	51
ОЖИДАНИЕ	55
СОДЕРЖАНИЕ	58
СКАЧОК НА 8	67